ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖЕФФ ЛИНДСЕЙ

ДОБРЫЙ ДРУГ ДЕКСТЕР

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР,
НА ОСНОВЕ КОТОРОГО СНЯТ ЗНАМЕНИТЫЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ!

Звезды мирового детектива

Джефф Линдсей

Добрый друг Декстер

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Линдсей Д.

Добрый друг Декстер / Д. Линдсей — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20707-3

Декстер Морган – волк в овечьей шкуре. Он красив, обаятелен и очень прагматичен. При всем при том он серийный убийца, впрочем придерживающийся золотого правила – убивать только плохих людей. Чтобы избежать подозрений, Декстеру пришлось глубоко замаскироваться: проводить время со своей девушкой и ее детьми, постепенно становясь первым в мире серийным убийцей-домоседом. Но вот в Майами появляется психопат, который ампутирует у жертвы все, что только можно, не убивая ее. Извращенные приемы маньяка лишают дара речи даже Декстера. Когда его сестра Дебора, стойкий полицейский, втягивается в дело, становится ясно, что Декстеру придется выйти из укрытия и начать охоту на монстра. Если, конечно, убийца не найдет его первым… По роману «Дремлющий демон Декстера» в 2006 году был снят знаменитый сериал «Декстер», ставший суперуспешным и продлившийся 10 сезонов. Главную роль в нем исполнил Майкл С. Холл, позднее получивший за свое исполнение премию «Золотой глобус».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20707-3

© Линдсей Д., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 30
Глава 7 33
Глава 8 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Джефф Линдсей
Добрый друг Декстер

© Г. Б. Косов (наследник), перевод, 2008
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Томми и Гасу, которые достаточно долго ждали

Глава 1

В тропическом небе низко висела полная луна, посылая сквозь пухлые комки облаков свой зов. Он предназначался ушам моего дорогого друга Темного Пассажира, который удобно притулился в темноте заднего сиденья «доджа» и которого можно было бы считать гипотетической душой Декстера, если таковая когда-нибудь существовала.

Треклятая луна, похожая на громкоголосого плотоядного Люцифера, обращалась с пустынных небес к черным сердцам всех обретающихся где-то внизу ночных чудищ, призывая вернуться их на свои поляны для игр. В том числе она обращала зов и к притаившемуся в тени олеандра монстру. Пробивающиеся сквозь листву полосы лунного света делали чудовище похожим на затаившегося тигра, выжидающего подходящий момент, чтобы ринуться из темноты на свою жертву. Но во тьме таится вовсе не полосатый хищник. Там укрывается Декстер. Он внимательно вслушивается в страшный беззвучный призыв, долетающий с небес до его тайного убежища.

Моя столь дорогая мне черная сущность желает немедленно вонзить залитые лунным светом клыки в легкоуязвимую плоть на противоположной стороне живой изгороди. Но час еще не пробил, и поэтому я жду, осторожно наблюдая, как моя жертва крадется мимо, чувствуя, что кто-то следит за ней, но не зная, что я здесь и нас разделяют лишь три фута живой изгороди. Я без труда мог бы совершить свое магическое действо, неожиданно возникнув перед ней, словно лезвие выкидного ножа. Но я жду, оставаясь невидимым.

Длинные секунды безмолвно перетекают одна в другую, но я жду нужный момент. Затем прыжок, вытянутая рука и холодное ликование, когда я вижу гримасу ужаса на лице жертвы…

Но нет. Здесь что-то не так.

Настал черед Декстера ощутить тошнотворное прикосновение чужого взгляда к своей спине. Я испугался, когда ко мне пришла уверенность в том, что кто-то начал охотиться на меня. У какого-то ночного ловца текут слюнки, когда он взирает на меня из своего находящегося где-то рядом убежища. Должен признаться, это мне очень не нравится.

И вдруг из ниоткуда удивительно быстро, словно крошечная молния, возникает и прикасается ко мне ликующая ручонка, и я вижу сверкающие в свете луны зубы девятилетнего соседского мальчишки. «Есть! Раз, два, три, Декстер, умри!» Тут же со скоростью стаи диких собак появляются и все остальные. Они хихикают и кричат мне что-то, а я стою в кустах, чувствуя себя бесконечно униженным. Вскоре все заканчивается. Шестилетний Коди смотрит на меня разочарованно – так, словно Декстер Бог Ночи обманул надежды своего верховного жреца. Его девятилетняя сестра Астор успевает присоединиться к воплям других ребятишек, прежде чем орава снова скрывается в темноте в поисках нового, более надежного убежища, оставив меня один на один с моим позором.

Декстер не валял дурака. Он просто превратился в *Оно*. Опять.

Вы можете спросить, в чем дело? Как случилось, что ночная охота Декстера низведена до такого убогого уровня? До этого момента в его поле зрения всегда находился отвратительный извращенец-хищник, ожидающий проявления особого к себе внимания со стороны столь же отвратительного извращенца Декстера. И вот этот самый Декстер валяет дурака, пиная, фигурально выражаясь, пустую банку из-под равиолей «Шеф Боярди», виновных лишь в том, что у них чрезмерно сладкий соус. Я впустую растрачиваю бесценное время, терпя постыдное поражение в игре, в которую не играл с десятилетнего возраста. И что еще хуже, я и есть Оно.

– Один, два, три… – начал считать я, будучи честным и порядочным игроком.

Как это могло случиться? Почему демон Декстер, ощущая на себе бремя полной луны, не находится в машине, превращающей в мелкие куски существо, которому вынес приговор

сам Декстер. Как случилось, что в подобную ночь Холодный Мститель отказался взять с собой на прогулку Темного Пассажира?

– Четыре, пять, шесть…

Гарри, мой мудрый приемный отец, научил меня поддерживать тонкий баланс между жаждой и ножом. Он усыновил мальчишку, в котором увидел непреодолимую жажду убийства (исцелить парня было невозможно), и воспитал его человеком, лишавшим жизни только убийц. Декстер некровожадный скрывался за личиной обычного человека и выслеживал самых отвратительных серийных убийц, действующих вне всяких законов и правил. И если бы не план Гарри, то я тоже стал бы одним из них. «Есть множество людей, Декстер, которые заслуживают этого», – когда-то сказал мой замечательный приемный отец-полицейский.

– Семь, восемь, девять…

Он научил меня находить специфических друзей по играм и подсказал, как убедиться в том, что они действительно заслуживают моего визита и визита Темного Пассажира. Но самое главное, он научил меня, как остаться безнаказанным, а научить этому мог только коп. Отец помог мне соорудить для себя благовидную нишу в обычной жизни и сумел вдолбить в мою голову, что я должен всегда полностью соответствовать этой нише-убежищу, оставаясь абсолютно нормальным во всех своих проявлениях.

Я научился аккуратно одеваться, улыбаться и чистить зубы. Став безукоризненным эрзац-человеком, я научился говорить глупейшие, лишенные смысла фразы, которые человеческие существа произносят с утра до вечера. Никто не подозревал, кто или что скрывается за моей безупречной, но тем не менее фальшивой улыбкой. Никто, кроме моей сводной сестры Деборы. Но та принимала меня таким, какой я есть. Ведь что ни говори, а я мог бы быть гораздо хуже. Стать отвратительным, бесноватым чудовищем, убивающим без конца, оставляющим за собой горы разлагающейся плоти. Вместо этого я стал существом, выступающим за истину, справедливость и американский образ жизни. Оставаясь монстром, я смог в некотором роде очиститься, став НАШИМ монстром, облаченным в цвета государственного флага и обладающим всеми национальными добродетелями, пусть и синтетическими. И в те ночи, когда призыв луны становился особенно громким, я искал других. Тех, кто выбирает себе в жертву невиновных и играет не по правилам. После того как я их находил, они исчезали в виде небольших, аккуратно упакованных пакетов.

Эта элегантная формула безупречно действовала многие годы счастливой бесчеловечности. В периоды между игровыми днями я вел безукоризненно усредненный образ жизни, обитая в абсолютно ординарной квартире. Никогда не опаздывал на службу, отпускал невинные шутки коллегам, был полезным и ненавязчивым, так, как учил меня Гарри. Жизнь андроида постоянно оставалась прозрачной, уравновешенной и, безусловно, несла в себе подкупающую общественную ценность.

По крайней мере, до этого времени. Каким-то непонятным образом случилось так, что в самую подходящую ночь я валяю дурака в компании детишек, вместо того чтобы играть в веселую игру под названием «Распотроши Потрошителя» в обществе тщательно отобранного друга. А вскоре, когда надоест валять дурака, я отведу Коди и Астор в дом их мамочки Риты. Она принесет мне баночку пива, уложит детишек в кроватки и присядет рядом со мной на диване.

Как это могло случиться? Неужели Темный Пассажир уходит в преждевременную отставку? Декстер с годами успокоился и смягчился? Может, свернув в длинный темный коридор, я вышел с другого, неправильного конца как Декстер домашний? Неужели я никогда больше не капну на чистое предметное стеклышко в качестве трофея капельку крови, как делал всегда после удачной охоты?

– Десять! Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват.

Да, я иду искать.

Но кого?

Все, как и положено, началось с сержанта Доакса. Каждый супермен обязан иметь архиврага, и для меня таковым являлся сержант. Я не сделал ему ничего плохого, но он избрал меня объектом охоты, чтобы изгнать с хорошей работы. Изгнать меня и мою тень. Но вся ирония заключается в том, что я, бесконечно трудолюбивый эксперт по анализу пятен крови, и мы не только работаем в одном полицейском управлении, но и состоим в одной команде. Скажите, разве то, что я иногда работаю налево, может служить веским основанием для подобного преследования?

Я знал Доакса гораздо лучше, чем мне хотелось, и значительно лучше того, чего требовали наши деловые контакты. Я постарался выяснить о нем как можно больше по одной простой причине: ваш покорный слуга ему никогда не нравился, хотя я законно гордился своим обаянием. Я был обаятелен и мил на самом высоком мировом уровне. Но мне казалось, будто Доакс считал это фальшью, и моя сработанная вручную сердечность отлетала от него, как майские жуки от ветрового стекла машины.

Это, естественно, вызывало у меня любопытство. Разве не интересно узнать, что представляет собой человек, ухитрившийся невзлюбить меня? Немного изучив сержанта, я понял причину его антипатии. Человек, не терпевший добродетельного Декстера, являлся афроамериканцем сорока восьми лет, и в количестве посвященных одному копу публикаций в нашем управлении с ним никто не мог сравниться. Это абсолютный рекорд. Если верить случайно услышанным мной сплетням, то он был армейским ветераном, а после прихода в полицию участвовал в нескольких перестрелках со смертельным исходом. Согласно выводам отдела внутренних расследований, применение оружия во всех случаях было оправданным.

Кроме того, я обнаружил – и это, бесспорно, самое главное, – что где-то глубоко за той яростью, которой постоянно горели его глаза, слышится эхо смешка моего Темного Пассажира. Всего лишь едва слышный звон крошечного колокольчика, но у меня не осталось никаких сомнений. Сержант Доакс делил пространство с чем-то очень похожим на меня. Не буквально с тем же, а с чем-то подобным. С пантерой по сравнению с моим тигром. Доакс – коп и в то же время хладнокровный убийца. У меня не было бесспорных доказательств, но я был в этом уверен, еще даже не видя, как он сдавливает горло парню, переходившему улицу на красный свет.

Разумное существо пришло бы к выводу, что он и я могли бы без труда найти общую почву: выпить по чашечке кофе, сравнить достоинства своих Пассажиров, обсудить производственные вопросы и поболтать о технике расчленения тел. Но нет. Доакс желал видеть меня покойником. А я, должен признаться, вовсе не разделял его точку зрения.

Сержант Доакс работал вместе с детективом Лагуэртой во время ее вызывающей некоторые подозрения смерти. С тех пор его чувства ко мне успели перерасти в обыкновенную ненависть. Доакс был убежден, что я имею какое-то отношение к смерти Лагуэрты. Посыл абсолютно ложный и несправедливый. Я всего лишь выступил в роли наблюдателя. Чего же в этом плохого? Я, конечно, помог бежать настоящему убийце, но разве можно было ожидать иного? Кем надо быть, чтобы выдать своего родного брата? Особенно в том случае, когда он сработал так чисто.

Живи сам и давай жить другим, твержу я. Или, во всяком случае, говорю так довольно часто. Сержант Доакс может думать все, что угодно, и меня это не колышет. Законов, ограничивающих мысли, пока еще очень мало, однако я убежден, что в Вашингтоне трудятся изо всех сил, чтобы ликвидировать этот досадный пробел. Одним словом, какие бы подозрения по отношению ко мне ни питал наш добрый сержант, я против этого ничего не имею. Но теперь, когда он, руководствуясь своими мыслями, приступил к действиям, моя жизнь разбилась вдребезги. Декстер Дрянной быстро превращался в Декстера Дебила.

Почему? Как началась вся эта муть? Ведь я же всего лишь пытался остаться самим собой.

Глава 2

Иногда наступают ночи, когда Темный Пассажир просто должен заняться своими играми. Это почти то же самое, что выгуливать собаку. Некоторое время вы не обращаете внимания на лай и царапанье дверей, но затем все же выводите зверя на улицу.

После похорон детектива Лагуэрты настал период, когда мне показалось, что следует прислушаться к доносящемуся с заднего сиденья шепоту и приступить к планированию небольшого приключения.

Я нашел себе товарища по играм в виде внешне весьма пристойного торговца недвижимостью по фамилии Макгрегор. Это был счастливый, жизнерадостный человек, любивший продавать дома многодетным семьям. Особенно если дети – маленькие мальчики. Макгрегор просто обожал крошек в возрасте от пяти до семи лет. Он уже успел до смерти полюбить пятерых (в этой цифре я был уверен), а то и больше мальчишек. Макгрегор был умным и крайне осторожным существом, и, если бы не визит Темного Скаута Декстера, ему, скорее всего, еще долгое время сопутствовала бы удача. Полицию винить не стоит. По крайней мере, в данном случае. Если пропадает маленький ребенок, то, согласитесь, очень немногим придет на ум спросить: «Ага! А кто продал семье дом?»

Декстеров среди людей крайне мало. В целом это очень хорошо, но в данном случае всем повезло, что на месте оказался я – Декстер. Через четыре месяца после того, как я прочитал в газете статью о пропаже мальчика, я наткнулся еще на одну подобную публикацию. Мальчики были однолетками, а детали подобного рода всегда заставляют звонить в моем мозгу маленький колокольчик и мысленно шептать пока неизвестному мне мистеру Роджеру: «Привет, сосед».

Одним словом, я нашел первую статью и сравнил публикации. Обратил внимание, что обе газеты, желая выдавить слезу у читателя, упомянули, что и та и другая семья недавно переехали в новый дом. Прочитав это, я услышал, как в темноте прозвучал короткий смешок. Затем я решил копнуть глубже.

Дело оказалось весьма тонким, и детективу Декстеру пришлось хорошенько попотеть, поскольку поначалу он не увидел никакой связи между двумя случаями. Семьи, о которых шла речь, обитали в разных округах, что сразу исключало множество версий. Они молились в разных церквях, ходили в различные школы, а при переезде не пользовались услугами одной компании. Но смех Темного Пассажира всегда означает, что кто-то ведет себя неординарно, и мне удалось увидеть связь. Оба дома находились в списке одного агентства по продаже недвижимости – небольшой конторы, расположенной в Южном Майами. В конторе служил единственный агент – жизнерадостный и дружелюбный парень Рэнди Макгрегор.

Я копнул еще глубже и выяснил, что Макгрегор состоит в разводе и обитает в блочном доме в Южном Майами на съезде с Олд-Катлер-роуд. Сравнительно недалеко от дома на причалах в парке Мэтисон-Хаммок-Марина он держал моторную яхту с каютой. Судно длиной двадцать шесть футов служило удобной площадкой для развлечений с малолетними друзьями. Выходя в океан, Макгрегор мог, оставаясь невидимым и неслышимым, проводить свои исследования. Настоящий Колумб, открывающий боль и страдание. Кроме того, он имел великолепную возможность избавиться от неприятных отходов своей деятельности. Проходящий всего в нескольких милях от Майами Гольфстрим служил для него практически бездонной выгребной ямой.

Технология была настолько рациональной, что я даже удивился, почему сам недодумался до подобного способа утилизации отходов своего производственного процесса. А я-то, глупец, использовал лодку лишь для ловли рыбы и прогулок в заливе. И вот появляется Макгрегор, чтобы одарить меня прекрасной идеей, как следует наслаждаться вечерами на воде. Идея была просто превосходной, и я сразу переместил Макгрегора на первое место в своем списке. Вы

можете назвать меня нелогичным или непоследовательным, поскольку я, как правило, не вижу в людях ничего полезного или хорошего, но по каким-то неясным причинам судьба детишек меня заботит. Когда я обнаруживаю, что какой-то тип ведет охоту на детей, у меня создается впечатление, что он сунул Темному Метрдотелю двадцатку ради того, чтобы оказаться первым в очереди. И вот теперь я с огромным удовольствием сниму бархатный канат с крюка и впущу Макгрегора в зал – при условии, если он совершил то, что, похоже, совершил. Как вы понимаете, я должен быть в этом совершенно уверен. Я всегда избегал препарировать не того, кого следовало, и начать сейчас было бы позором, даже если это и торговец недвижимостью. Я сообразил, что лучше всего сумею убедиться в своей правоте, посетив яхту, о которой идет речь.

К счастью, на следующий день шел дождь, как часто случается в июле. Однако этот дождь походил на длительную грозу – как раз то, что заказывал Декстер. Я ушел из Майами-Дейд пораньше, проехал, чтобы сократить расстояние, через Лежен-роуд и двинулся по Олд-Катлер-роуд. Свернув налево, добрался до стоянки маломерных судов в Мэтисон-Хаммок-Марине. Там, как я и рассчитывал, было безлюдно, однако ярдах в ста от того места, где я находился, стояла будка сторожа, в которой сидел тип, алчущий снять с меня четыре доллара за великую привилегию въехать в парк. Идея не мозолить глаза сторожу казалась мне гораздо более привлекательной. Экономия четырех баксов, конечно, имела существенное значение, но главное соображение против приближения к будке состояло в том, что мое появление в дождь и средь бела дня могло вызвать у стража удивление, что я, учитывая свое хобби, всеми силами старался избегать.

Слева от дороги находилась небольшая парковка, а справа на берегу озера стояло старое, сложенное из коралла укрытие для любителей пикников. Я поставил машину, надел ярко-желтую всепогодную куртку и ощутил себя настоящим морским волком. Непромокаемая куртка – то, что следует надевать для тайного проникновения в яхту педофила-убийцы. Я собирался воспользоваться проложенной параллельно дороге велосипедной тропой. Тропа скрывалась за мангровыми деревьями, и если сторож решит высунуть голову в дождь из будки, что крайне маловероятно, то, узрев лишь мелькающее между деревьями ярко-желтое пятно, решит, что какой-то упертый джоггер совершает пробежку, несмотря на проливной дождь.

Я прорысил по тропе примерно четверть мили. Как я и надеялся, в сторожке не было никаких признаков жизни, и я побежал по направлению к большой парковке у воды. Последний ряд пирсов справа служил убежищем для судов не таких больших, как катера для спортивной рыбалки или яхты миллионеров, пришвартованных ближе к дороге. Скромное суденышко Макгрегора называлось «Скопа» и стояло почти в самом конце пристани.

На причале не было ни души, и я беззаботно прошествовал через калитку в заборе мимо щита с надписью: «Проход только для судовладельцев». Я попытался заставить себя ощутить вину за нарушение столь категоричного распоряжения, но это было выше моих сил. Чуть ниже первой надписи на щите значилось: «Рыбная ловля с пирсов и в акватории парка запрещена», и я пообещал себе, что не стану рыбачить. Поклявшись, я сразу ощутил облегчение в связи с тем, что нарушил первое правило.

Возраст «Скопы» не превышал пяти-шести лет, и погода Флориды успела оставить на ней лишь небольшие следы. Палуба была хорошо надраена, поручни начищены, и я, поднимаясь на борт, сделал все, чтобы не оставить следов. По какой-то не вполне ясной причине замки на судах обычно не отличаются сложностью. Вероятно, моряки по сравнению с сухопутными крысами более честные существа. В общем, чтобы открыть замок и проскользнуть внутрь «Скопы», мне потребовалось несколько секунд. В каюте не было и следа запаха печеной плесени, появляющегося на многих посудинах после того, как они простоят закрытыми несколько часов под лучами субтропического солнца. Но зато в каюте витал легкий аромат «Пайн-сола», словно кто-то вымыл помещение настолько тщательно, что ни микробам, ни посторонним запахам не осталось шансов на выживание.

В каюте стоял небольшой стол, один из углов помещения был превращен в камбуз, а на легкой металлической полке находился видеомагнитофон, рядом с которым лежала стопка фильмов: «Человек-паук», «Братец-медвежонок», «В поисках Немо». Интересно, сколько мальчишек отправил за борт на поиски Немо этот тип? Я очень надеялся, что скоро Немо найдет его самого. Войдя в камбуз, я принялся выдвигать ящики. Один заполнен сладостями, в другом находились пластмассовые фигурки. Третий ящик до краев забит клейкой лентой для герметизации труб.

Лента – вещь в хозяйстве весьма полезная, но согласитесь, что десять катушек в выдвижном ящике камбуза – явный перебор. Если, конечно, не специфические, требующие ее в больших количествах задачи. Может, научный проект, предусматривающий привлечение значительного числа маленьких мальчиков? Это не более чем догадка, основанная на собственных опытах с лентой. Однако я использую ее не на мальчиках, а на вполне прямостоящих гражданах вроде… Макгрегора. Вина последнего становилась все более явной, и Темный Пассажир, горя нетерпением, уже начал высовывать свой сухой язычок ящерицы.

Я спустился по трапу и прошел в помещение, которое торговцы судами, наверное, величают каютой капитана. Там имелась не самая элегантная постель в виде матраса из губчатой резины на довольно узкой полке. Я нажал на матрас, и тот захрустел – резина начала пересыхать. Сдвинув матрас в сторону, я увидел по углам полки четыре ввинченных в нее кольца. Затем я поднял крышку находящегося под койкой люка.

Множество металлических цепей на корабле не должно вызывать удивления, но только в том случае, если они не снабжены металлическими браслетами. Последние, как мне кажется, имеют довольно отдаленное отношение к искусству навигации. Впрочем, не исключено, что наличию на судне оков имеется весьма веское объяснение. Вероятно, Макгрегор использовал их для усмирения склонных к буйству особенно крупных рыбин.

Под цепями находились пять якорей, что вполне подходило для яхты, отправляющейся в кругосветное плавание. В посудине же для воскресных прогулок это выглядело перебором. Какой цели служили якоря? Если, допустим, я вывел бы свой катер на глубоководье, желая без лишнего шума избавиться от нескольких тел, то что бы я сделал, имея огромное количество якорей? Если поставить вопрос таким образом, то можно сделать вывод: после очередной морской прогулки с очередным юным другом Макгрегор вернется в порт лишь с четырьмя якорями под койкой.

Я собрал достаточно деталей, чтобы нарисовать весьма любопытную картину. Своего рода натюрморт без детей. Но пока мне не удалось обнаружить ничего, что нельзя было бы объяснить простой серией совпадений. Я должен был убедиться, чтобы не оставалось места сомнениям. Мне надо было отыскать хотя бы одну неоспоримую улику, нечто такое, что полностью отвечало бы правилу Гарри.

И я нашел такую улику в выдвижном ящике справа от койки.

В переборку каюты были встроены три ящика. Внутренняя часть нижнего показалась мне на несколько дюймов короче, чем у двух верхних. Не исключено, что он и должен быть таким из-за округлости корпуса. Но я изучаю людей уже много лет, и это не могло не развить у меня сильную подозрительность. Я вынул ящик и обнаружил на задней стенке небольшое потайное отделение. А внутри его…

Поскольку я не являюсь подлинным человеческим существом, мои эмоциональные реакции ограничиваются лишь теми, которые я научился имитировать. Я не испытал потрясения, ярости, негодования или даже горькой решимости. Изобразить убедительно эти чувства довольно сложно, да и зачем стараться, если у вас нет аудитории? Но порыв ледяного ветра с темного заднего сиденья сорвал с моей спины сухие листья и усыпал ими пол моего мозга ящерицы.

В пачке фотографий я насчитал пять обнаженных мальчиков в различных позах. Создавалось впечатление, будто мистер Макгрегор все еще разрабатывал свой стиль. И при этом он явно не жалел упомянутой ранее ленты. На одной фотографии мальчик находился в серебристо-сером коконе, и открытыми оставались лишь некоторые части тела. То, что оставил открытым Макгрегор, сказало мне о нем очень много, если не все. Как я и подозревал, он был не тем человеком, какого большинство родителей хотело бы видеть лидером бойскаутов.

Фотографии были сделаны под разными углами и отличались высоким качеством. Особенно выделялась одна серия снимков. Голый человек с дряблым бледным телом стоял рядом с плотно укутанным клейкой лентой мальчиком. Так обычно фотографируются охотники рядом со своей добычей. Судя по форме и цвету тела, становилось ясно, что на снимке изображен Макгрегор, хотя лица рассмотреть было невозможно – оно скрывалось под черным капюшоном. Когда я просматривал фотографии, мне на ум пришли две интересные мысли. Первая – «Ага!», что означало: не осталось сомнений в том, чем занимался Макгрегор. Это сразу делало его счастливым обладателем главного приза в расчетном центре тотализатора Темного Пассажира.

Вторая мысль более тревожная. Возникал вопрос: кто делал снимки?

Фотографирование велось под множеством разных углов, и это сразу исключало автоматическую съемку. Просматривая снимки во второй раз, я заметил, что на двух сделанных сверху виден острый мысок красного ковбойского сапога.

У Макгрегора имелся сообщник. Слово «сообщник» часто звучит по телевизору, когда показывают сцены суда, но иного, более достойного определения я придумать не мог. В общем, он не вершил это в одиночку. Кто-то находившийся рядом с ним любовался происходящим и фотографировал, если, разумеется, не занимался одновременно и чем-нибудь другим.

Должен со стыдом признаться, что располагаю опытом и талантом по части членовредительства, но ничего подобного мне встречать не доводилось. Сувениры от трофеев – да! Ведь, в конце концов, и у меня есть коробка с предметными стеклышками, на каждом имеется капелька крови как память о моих приключениях. Хранить подобные сувениры абсолютно нормально.

Но присутствие второго лица, делающего снимки и наблюдающего за вашими действиями, превращает весьма интимный акт в подобие шоу. Какая непристойность! Этот человек – извращенец. Если бы я был способен на моральное негодование, то кипел бы справедливым гневом. Но, будучи лишенным подобных чувств, я лишь укрепился в желании ближе познакомиться с внутренностями мистера Макгрегора.

В каюте яхты стояла влажная жара, и мой восхитительно шикарный костюм для плохой погоды был абсолютно бесполезен. Я ощущал себя ярко-желтым пакетиком чая, погруженным в кипяток. Выбрав и положив в карман несколько самых четких снимков, я вернул остальные в потайное отделение, привел в порядок койку и вернулся в главную каюту. Насколько можно было судить, выглянув из окна – здесь, наверное, уместнее было бы сказать «иллюминатор», – в гавани не было никого, кто бы тайно за мной подсматривал. Я выскользнул из двери, убедился, что замок закрылся, и побрел сквозь дождь.

Из множества фильмов, увиденных мной за долгие годы, я прекрасно знал, что прогулка под дождем – самое подходящее место для размышлений о людских пороках, и занялся именно этим. Что за отвратительные типы Макгрегор и его друг-фотолюбитель! Как они могли стать подобными негодяями? Рассуждения представлялись мне более или менее правильными, и никакие иные мысли в голову не приходили. Оставалось надеяться, что этого достаточно для удовлетворения принципа Гарри. Я принялся размышлять о собственных пороках – что было гораздо более увлекательно – и думать о том, как устроить игрище с Макгрегором. Я чувствовал, как из самых мрачных глубин поднимается, постепенно заливая все тело, волна черного восторга. И очень скоро этот вал обрушится на Макгрегора.

Для сомнений, естественно, уже не оставалось места. Сам Гарри признал бы фотографии более чем достаточным доказательством, а хихиканье, доносящееся с темного сиденья за спиной, благословляло мою задумку. Мы с Макгрегором скоро займемся совместными изысканиями. А затем я получу специальный приз в виде его дружка в ковбойских сапогах. Дружок должен последовать за Макгрегором как можно скорее. Злодеи не имеют права на передышку. Одним словом, все это было очень похоже на распродажу, когда два предмета отпускаются по цене одного. От подобного предложения отказаться немыслимо.

С головой, полнящейся столь приятными мыслями, я мужественно и быстро шагал к автомобилю, не замечая дождя. Меня ждали великие дела.

Глава 3

Стремление следовать привычному порядку – дело скверное, особенно в том случае, если вы педофил-убийца, оказавшийся в поле зрения Декстера Мстителя. По счастью для меня, никто никогда не делился с Макгрегором столь важной информацией, поэтому я без труда обнаружил его выходящим из своей конторы, как всегда, ровно в 18:30. Он вышел через заднюю дверь, повернул ключ в замке и погрузился в большой «форд» – транспортное средство, весьма удобное как для демонстрации клиентам новых домов, так и для транспортировки связанных мальчиков к причалу. Автомобиль влился в поток уличного движения, и я последовал за ним к его скромному дому из бетонных блоков на Юго-Западной Восьмидесятой улице.

Движение у жилища Макгрегора было интенсивным. Я свернул на боковую улочку и спокойно припарковался в месте, от которого открывался хороший вид на дом. Вдоль дальней границы владений Макгрегора тянулась высокая и густая живая изгородь, не позволявшая соседям увидеть, что происходит на заднем дворе дома. Десять минут я просидел в машине, делая вид, будто изучаю дорожную карту. Мне требовалось время, чтобы продумать операцию и убедиться, что Макгрегор никуда не собирается. Когда он, выйдя из дому в хлопчатобумажных полосатых шортах и голым по пояс, принялся бесцельно слоняться по двору, я понял, как надо поступить. Для подготовки к операции я отправился домой.

И хотя я обладаю здоровым аппетитом, перед очередным маленьким приключением мне никогда не хочется есть. По мере того как ночь скользит над городом, засевший внутри меня сообщник начинает дрожать от нетерпения, а глас луны сильнее и сильнее отдаваться в моих жилах, мысли о еде кажутся до отвращения тривиальными.

Вместо того чтобы лениво наслаждаться белковым высококалорийным обедом, я расхаживал по квартире, горя нетерпением, но в то же время сохраняя достаточно холодную голову, чтобы дождаться момента, когда Дневной Декстер окончательно растворится, а опьяненный своим возрастающим могуществом Темный Пассажир неторопливо сядет за руль и проверит рычаги управления. Казалось, тени становятся более четкими, и все предметы оказываются в фокусе зрения. Тьма постепенно переходила в серый сумрак. Тихие звуки становились громкими, кожу покалывало, дыхание делалось шумным, а воздух наполнялся запахами, совершенно незаметными в нормальный, унылый день. Никогда я не ощущаю себя более живым, чем в те моменты, когда управление берет на себя Темный Пассажир.

Я заставил себя расположиться в кресле и тихо сидел, ощущая, как меня все сильнее охватывает жажда, принося вместе с собой готовность действовать. Каждый вдох казался потоком холодного воздуха из невидимого насоса, наполняющим грудь и делающим меня больше и ярче. Я рос до тех пор, пока не превратился в гигантский, невидимый глазу стальной луч, готовый пронзить погруженный во тьму город. Мое кресло стало каким-то нелепым крошечным предметом, способным вместить разве что мышь, и лишь ночь оставалась достаточно большой.

Время настало.

Мы вышли в светлую ночь. Лунный свет барабанил по моим чувствам, а наполненное запахом мертвых роз дыхание Майами ласкало кожу. Практически через миг я уже оказался там, в тени живой изгороди дома Макгрегора. Я пока лишь слушаю и наблюдаю. Чувство осторожности, обвившись вокруг моего запястья, тихо шепчет мне: терпение.

Меня почти умиляло то, что он не видит столь ярко сияющего объекта, как я. В то же время это придавало мне новые силы. Я достал маску из белого шелка. Можно приступать.

Я медленно вышел из тени изгороди, невидимкой прокрался к окну дома и положил на землю пластиковую клавиатуру игрушечного детского пианино. Если быть точным, то я поместил игрушку под заросли гладиолусов, чтобы ее нельзя было сразу заметить. Красно-синяя клавиатура меньше фута в длину имела лишь восемь клавишей, зато обладала способностью

самостоятельно воспроизводить четыре мелодии снова и снова, пока не сядут батарейки. Я нажал кнопку включения и отступил в свое убежище под сенью изгороди.

Сначала прозвучала «Jingle Bells», а затем – «Old MacDonald». По какой-то непонятной причине ключевая музыкальная фраза в каждом из произведений отсутствовала, но игрушка без малейшего колебания приступила к исполнению «London Bridge» все в том же радостно-идиотском ключе.

Этого достаточно, чтобы свести с ума кого угодно, а на типов вроде Макгрегора песенки должны были производить особое впечатление, поскольку подобные типы существовали за счет детишек. Во всяком случае, я на это рассчитывал. Чтобы выманить его, я вполне сознательно воспользовался крошечной клавиатурой, искренне надеясь, что Макгрегор увидит в ней орудие наказания, присланное прямиком из ада, и поймет, что его деяния раскрыты. Почему я не могу получать удовольствие от того, чем занимаюсь?

Мой план, похоже, сработал. «London Bridge» звучал лишь третий раз, когда Макгрегор на нетвердых ногах и с выражением паники в округлившихся глазах выбрался из дому. Некоторое время он стоял у дверей, оглядываясь по сторонам. Создавалось впечатление, что его рыжеватые редеющие волосы только что пережили ураган. Бледное брюхо Макгрегора слегка свисало над поясом выцветших пижамных штанов. Парень не выглядел очень опасным, но я же не пятилетний мальчик. Он стоял с открытым ртом и почесывал затылок. Казалось, человек позирует для статуи древнегреческого бога глупости. Наконец Макгрегору удалось установить, откуда исходит звучание «Jingle Bells». Он прошел к гладиолусам, наклонился и прикоснулся к крошечной клавиатуре. Когда я затянул на его шее леску, способную выдержать добрых пятьдесят фунтов, Макгрегор даже не успел удивиться. Однако, ухитрившись выпрямиться, он почему-то решил, что способен сопротивляться. Я затянул удавку сильнее, и Макгрегор отказался от этой идеи.

– Прекрати сопротивляться, – сказали мы холодным, командирским тоном Темного Пассажира. – Прекратишь – проживешь дольше.

В этих словах он уловил уготованную ему судьбу и, решив, что сумеет изменить ее, снова принялся барахтаться. Мне опять пришлось затянуть поводок, и я держал его затянутым до тех пор, пока лицо Макгрегора не потемнело, а он сам не опустился на колени.

Прежде чем он окончательно потерял сознание, я ослабил давление.

– Делай, что говорят, – сказали мы.

Макгрегор ничего не ответил. Он, закатываясь в кашле, сделал лишь несколько болезненных вдохов, и мне пришлось слегка дернуть за леску.

– Ты все понял? – спросили мы.

Он ответил едва заметным кивком, и я позволил ему дышать.

Когда я вел его на поводке в дом, чтобы взять ключи от машины, он не сопротивлялся. Когда мы садились в его большой автомобиль, Макгрегор тоже не пытался бороться. Я занял место позади него, максимально укоротив поводок, но все же позволяя ему дышать, чтобы парень пока оставался в живых.

– Заводи машину, – велели мы, но Макгрегор повиновался не сразу.

– Чего вы хотите? – спросил он тоном, похожим на шуршание только что завезенного гравия.

– Всего, – ответили мы. – Запускай мотор.

– У меня есть деньги, – произнес он.

Я потянул леску и усмехнулся:

– В таком случае купи мне маленького мальчика.

Я держал петлю затянутой так, что Макгрегор не мог дышать, держал ее достаточно долго, чтобы он мог осознать, что командуем здесь мы, нам известны все его делишки, и с этого

момента мы позволяем ему дышать ровно столько, сколько нам хочется. Когда я снова ослабил петлю, оказалось, что ему совершенно нечего сказать.

Мы предложили ему проехать по Юго-Западной Восьмидесятой улице, свернуть на Олд-Катлер-роуд и продолжить движение на юг. В этот ночной час движения на дороге почти не было, и мы повернули в район нового строительства в дальнем конце Снаппер-Крик. Стройка сейчас не велась, поскольку владельца фирмы обвинили в отмывании денег. Короче говоря, нас никто не мог здесь побеспокоить. Мы попросили Макгрегора проехать мимо недостроенной сторожки, проследовать по небольшой кольцевой дороге до воды и остановиться рядом с трейлером, где временно размещалась контора строительства. Теперь заброшенный трейлер служил лишь объектом внимания тинейджеров и тех, кто вроде меня стремился к уединению.

Мы посидели немного, любуясь ландшафтом. Луна над водой, и на первом плане педофил с петлей на шее. Разве не прекрасно?

Выйдя из машины, я вытянул оттуда и Макгрегора. Я тянул его так сильно, что он упал на колени, цепляясь скрюченными пальцами за петлю вокруг шеи. Я следил за тем, как он давится и капает слюной на землю. Его лицо потемнело, а глаза налились кровью. Затем я рывком поставил его на ноги и заставил, поднявшись на три ступени, войти в трейлер. Макгрегор достаточно оправился и сообразил, что происходит. Я привязал его к столешнице, закрепив руки и ноги клейкой лентой.

Макгрегор пытался говорить, но у него получался лишь кашель. Я ждал: теперь у нас много времени.

– Умоляю, – наконец произнес он; его голос походил на скрип песка по стеклу, – я дам вам все, что хотите.

– Само собой, – ответили мы и увидели, что наши голоса добрались до его внутренностей.

Мы улыбнулись, хотя он не мог увидеть под белой шелковой маской наших улыбок. Достав добытые на яхте снимки, я показал их Макгрегору.

Тот окаменел, а его нижняя челюсть отвисла.

– Где вы это взяли?! – спросил он, и его голос звучал несколько воинственно для человека, которому вскоре предстояло быть разделанному на мелкие куски.

– Скажи, кто делал снимки.

– С какой стати?

Я взял ножницы для резки жести и отхватил два пальца с его левой руки. Макгрегор принялся кричать и биться в конвульсиях, а из руки полилась кровь. Вопли меня всегда злят, и я, сунув ему в пасть теннисный мяч, откусил два пальца правой руки.

– Да просто так – без причин, – усмехнулся я и подождал, когда он немного успокоится.

Он выкатил на меня глаза, и по выражению его лица я понял, что Макгрегор находится в состоянии за гранью боли, когда приходит понимание, что все то, что произойдет дальше, будет уже навсегда. Я извлек теннисный мяч из его рта и спросил:

– Так кто же делал снимки?

– Надеюсь, когда-нибудь на одном из них окажешься ты, – с улыбкой ответил он, что сделало последующие девяносто минут особенно для меня приятными.

Глава 4

Обычно после ночных прогулок я несколько дней ощущаю приятную расслабленность, но на следующее утро после поспешного ухода из нашего мира мистера Макгрегора я по-прежнему испытывал неудовлетворенность и даже нервозность. Я страстно желал найти фотографа в красных ковбойских сапогах и произвести полную зачистку. Я чудовище очень организованное и всегда стремлюсь довести начатое до конца. Осознание того, что какой-то вооруженный камерой тип в дурацких сапогах видел слишком много, настоятельно требовало, чтобы я двинулся по его следам и завершил свой состоящий из двух частей проект.

Не исключено, что с Макгрегором я поторопился. Если бы я предоставил ему еще немного времени и дополнительно стимулировал, он выложил бы мне все. Но в тот момент мне казалось, что я смогу без труда найти Красные Сапоги. Когда за рулем находится Темный Пассажир, я всегда уверен, что нам по силам любое дело. До сих пор я никогда не ошибался, но на сей раз я оказался в несколько ином, неловком положении. Мне придется искать Мистера Сапоги одному, без помощи Темного Пассажира.

Из предварительных исследований мне было известно, что Макгрегор не вел яркой общественной жизни, если не считать его маленьких морских прогулок. Он был членом пары профессиональных объединений, что естественно для риелтора, но я не обнаружил ни единого человека, которого можно было бы считать его приятелем. Мне было известно, что он перед законом чист и полицейских файлов с фамилиями его сообщников в природе не существует. В судебном решении о его разводе упоминались лишь «непримиримые разногласия», оставляя все остальное на усмотрение моей фантазии.

Я оказался в тупике. Макгрегор был классическим одиночкой, и, несмотря на тщательную исследовательскую работу, я не обнаружил ни друзей, ни компаньонов, ни подружек, ни любовников. Ничего. Он не проводил ночей за покером с друзьями – таковых не имелось, если не считать маленьких мальчиков. Макгрегор не являлся членом церковных общин, не состоял в обществе охраны лосей, не засиживался в местном баре и даже не участвовал в еженедельном фестивале народных танцев, что могло бы объяснить наличие ковбойских сапог. Я оставался один на один со снимками, на которых торчали эти дурацкие красные сапоги с острыми мысками.

Итак, кем же был этот Ковбой Боб и как его найти?

Было лишь одно место, куда я мог обратиться за ответом. Это надо сделать как можно быстрее – еще до того, как кто-нибудь заметит исчезновение Макгрегора. Вдали прогремел гром, и я с удивлением посмотрел на часы. Все верно. Часы показывали 14:15 – время ежедневной послеполуденной грозы. Оказывается, я предавался размышлениям в свой обеденный перерыв, что на меня совсем не похоже.

Однако гроза могла бы снова послужить мне прикрытием, а где-нибудь перекусить можно и на обратном пути. Очень мило распланировав свое ближайшее будущее, я отправился на парковку и загрузился в машину. Когда я добрался до Мэтисон-Хаммок-Марины, начался дождь, и мне пришлось снова влезть в свой ярко-желтый всепогодный наряд. Приняв спортивный вид, я затрусил по направлению к яхте Макгрегора.

Замок, как и в прошлый раз, открылся без проблем, и я проскользнул в каюту. Во время первого посещения судна я искал признаки того, что Макгрегор является педофилом. Теперь же я пытался найти нечто менее заметное – то, что могло бы стать ключиком для идентификации личности фотографа. Поскольку откуда-то надо было начинать, я отправился в кубрик, выдвинул ящик с фальшивым дном и стал изучать снимки. На сей раз я просматривал не только лицевую, но и обратную сторону. Цифровая фотография очень затрудняет разыскную деятельность, поскольку не оставляет никаких отметок на снимках, и после нее не остается

ни пленки, ни пустых кассет с серийными номерами. Любой болван может загрузить фотографии на жесткий диск и распечатывать их сколько душе угодно. Любитель ковбойской обуви не являлся исключением. Это неправильно. Разве компьютеры предназначены не для того, чтобы облегчить нам жизнь?

Я задвинул ящик, обыскал весь кубрик, но не обнаружил ничего, чего бы не видел ранее. Испытав разочарование, я вернулся наверх в главную каюту. Там имелось несколько выдвижных ящиков. Их я тоже осмотрел. Видеокассеты, инструменты, клейкая лента – все, что я видел раньше. Взял верхний моток клейкой ленты, вероятно, для того, чтобы она зря не пропала, и машинально перевернул моток, лежащий на дне ящика.

Вот оно.

Гораздо лучше быть удачливым, нежели просто умным. Я и за миллион лет не мог надеяться на подобное везение. К бобине клейкой ленты прилип обрывок бумаги, на котором было написано «Рикер», и ниже находился номер телефона.

Конечно, не имелось никакой гарантии, что этот самый Рикер был нужным мне Красным Рейнджером или даже вообще человеческим существом. Это вполне могло быть фамилией портового слесаря-водопроводчика. Но в качестве исходной точки сведений более чем достаточно по сравнению с тем, чем я располагал ранее. Надо выбраться с яхты прежде, чем закончится дождь. Я сунул листок во внутренний карман, застегнул непромокаемую куртку, покинул яхту и затрусил рысцой по пешеходной тропе.

Наверное, я все же ощущал приятное размягчение после вечерней прогулки в обществе Макгрегора, поскольку вдруг обнаружил, что мурлычу прилипчивую мелодию Филипа Гласса из «1000 аэропланов на крыше». Ключом к счастливой жизни является гордость за то, что удалось свершить, и нетерпеливое ожидание того, что предстоит сделать. В данный момент мной владели оба эти чувства. Как прекрасно, что я – это я!

Мое хорошее настроение сохранялось до дорожного кольца, где Олд-Катлер-роуд вливается в Лежен-роуд. Когда я взглянул в зеркало заднего вида, приятную мелодию словно сдуло с моих губ.

Сзади, совсем рядом, практически заглядывая на заднее сиденье моей машины, катил темно-красный «форд-таурус». Автомобиль очень смахивал на тачки, которыми полицейское управление Майами-Дейд в изобилии снабжало своих работающих в штатском сотрудников.

При всем желании я никак не мог увидеть в этом доброго знака. Простая патрульная машина могла следовать за мной по любой причине, но тот, кто сидит в спецмашине, должен иметь какую-то особую цель, и в данном случае цель состояла, видимо, в том, чтобы дать мне понять, что за мной следят. Если это так, то их план сработал наилучшим образом. За блеском ветрового стекла я не могу определить, кто сидит за рулем, но для меня было жизненно важно узнать, с какого момента ведется слежка, кто ее ведет и как много водитель успел заметить.

Я свернул на боковую улицу и припарковался. «Форд-таурус» пристроился у меня в хвосте. Некоторое время ничего не происходило, и мы оба оставались в автомобилях. Неужели меня собираются арестовать? Если кто-то следовал за мной от Мэтисон-Хаммок-Марины, то Динамичного Декстера могли ждать плохие времена. Рано или поздно отсутствие Макгрегора обнаружится, и даже самое обычное расследование неизбежно приведет к его яхте. Кто-нибудь отправится осмотреть ее, и тот факт, что Декстер посещал яхту средь рабочего дня, покажется следствию весьма существенным.

Именно подобные крохотные события и приносят полиции успех. Копы всегда ищут странные совпадения, а когда находят, то человеку, случайно оказавшемуся в различных интересных местах, не избежать серьезного к себе отношения. Это верно даже для тех, кто имеет удостоверение полицейского и обладает на удивление чарующей фальшивой улыбкой.

Мне ничего не оставалось, как максимально нагло спросить, кто и почему за мной следит, и убедить их прекратить это бессмысленное времяпрепровождение. Придав своей физиономии

выражение официальной благожелательности, я вышел из машины и приблизился к «форду-таурус». Стекло опустилось, и я увидел вечно сердитую рожу сержанта Доакса. Сержант был похож на какого-то злобного идола, вырезанного из черного дерева.

– Почему ты в последнее время так часто уходишь с работы среди дня? – спросил он.

Произнесено это было без нажима, но тем не менее ему удалось дать понять, что все, что бы я ни ответил, будет наглой ложью и он на мне отыграется.

– Почему вы интересуетесь, сержант Доакс?! – весело воскликнул я. – Какое удивительное совпадение. Что вы здесь делаете?

– У тебя имеется какое-нибудь более важное дело, чем работа? – не унимался он.

Я лишь пожал плечами, поскольку добрый сержант явно не был расположен к связной беседе. Когда вы сталкиваетесь с людьми, у которых очень ограниченные коммуникативные способности и нет явного желания их развивать, лучше выражаться проще.

– У меня есть кое-какие личные дела.

Объяснение, должен признать, весьма убогое, но у Доакса имеется отвратная привычка задавать неприятные вопросы с такой злобой, что я едва не заикаюсь. А о каких-либо толковых ответах речь вообще не идет.

Несколько секунд он смотрел на меня так, как голодный питбуль глядит на сырое мясо.

– Личные дела, – усмехнулся он. В его устах эти слова звучали еще глупее.

– Верно.

– Но твой дантист находится в Гейблсе.

– Что же…

– А врач – в Аламеде. Адвоката у тебя нет. Сестра – на работе, – продолжил сержант. – Так какие же личные дела заставили тебя покинуть рабочее место?

– Вообще-то, я… я… – начал я, с изумлением вслушиваясь в свое заикание.

Но на ум мне ничего не приходило, а сержант смотрел с таким видом, словно умолял меня пуститься в бегство и тем самым получить возможность попрактиковаться в стрельбе.

– Забавно, – наконец разродился он. – Удивительно, но я нахожусь тут тоже по личным делам.

– Неужели? – сказал я, чувствуя облегчение, поскольку к моему языку вернулась способность к человеческой речи. – И какие же у вас дела, сержант?

И в этот миг я впервые увидел его улыбку. Должен признаться, мне было бы гораздо легче, если бы он просто вылез из казенной машины и избил меня.

– Я слежу за тобой.

Он позволил мне полюбоваться его сверкающими зубами, а затем, закрыв окно, исчез за тонированным стеклом наподобие Чеширского кота.

Глава 5

Если бы у меня было достаточно времени, я смог бы составить список предметов более неприятных, чем превратившийся в мою тень сержант Доакс. Но я стоял в своем сверхмодном всепогодном прикиде, и мысли о Рикере и его красных сапогах постепенно исчезали из моей головы, что само по себе казалось достаточно скверным. Чтобы придумать что-нибудь еще хуже, мне не хватало вдохновения. Поэтому я просто забрался в автомобиль, запустил двигатель и поехал под дождем домой. Вид допотопных средств убийства, за рулем которых находились другие водители, меня всегда радовал, но на сей раз следующий за мной темно-красный «таурус» по непонятной причине лишил меня удовольствия.

Я знал сержанта Доакса достаточно хорошо, чтобы понять: с его стороны это не просто вызванный дождем закидон. Если он принялся следить за мной, то будет продолжать до тех пор, пока не застанет меня за каким-нибудь нехорошим делом. Или до тех пор, пока не утратит возможности за мной следить. Разумеется, я мог легко придумать несколько занимательных способов, способных лишить его этого интереса. Однако все они были чрезмерно радикальными, а я, хотя и не имею совести, все же руководствуюсь в своих деяниях определенными правилами.

Ясно, что рано или поздно сержант Доакс предпримет нечто такое, что помешает реализации моего хобби, и я упорно размышлял над тем, как поступить, когда это произойдет. Но лучшее, что я сумел придумать, – это смотреть и ждать.

«Но простите…» – можете сказать вы и будете совершенно правы. Вы вправе спросить: «Почему вы игнорируете самое очевидное решение?» Согласен. Доакс, конечно, силен и смертельно опасен, но Темный Пассажир не менее могуч, и ничто не остановит его, когда он возьмет управление на себя. Вероятно, когда-нибудь…

«Нет», – прозвучал в моих ушах тихий голос.

Привет, Гарри. Почему нет? И я мысленно вернулся назад, в то время, когда он мне все сказал.

«Существуют определенные правила, Декстер», – заявил тогда Гарри.

Какие правила, папа?

Это был мой шестнадцатый день рождения. Больших празднеств по таким случаям в семье не устраивали, поскольку тогда я еще не научился быть очаровательным и общительным. Если я и не избегал своих сопливых сверстников, то они обычно избегали меня. Мое подростковое существование напоминало жизнь овчарки, вынужденной находиться в отаре очень грязных и глупых овец. С той поры я многому научился. Хотя надо признаться, что в шестнадцатилетнем возрасте не очень отличался от себя теперешнего. Просто теперь я веду себя по-иному.

Итак, мой шестнадцатый день рождения отмечался скромно. Дорис, моя приемная мама, незадолго до этого события умерла от рака. Однако моя сводная сестра Дебора испекла торт, а Гарри подарил мне новую удочку. Я задул свечи, мы съели торт, а затем Гарри пригласил меня на задний двор нашего скромного дома в Коконат-Гроуве. Гарри расположился за предназначенным для пикников столом из красного дерева, собственноручно поставленным им около очага для барбекю, и жестом предложил сесть рядом.

– Итак, Декс, – сказал он, – тебе шестнадцать. Ты почти мужчина.

Я не совсем понял, что это означало. Я? Мужчина? Совсем как у людей? Я не знал, какого ответа он от меня ждет, но зато мне было хорошо известно, что отпускать остроты в присутствии Гарри не следует. Я ограничился кивком.

– Ты, вообще-то, интересуешься девочками? – спросил он, пронзив меня рентгеновским лучом своих голубых глаз.

– Хм… В каком смысле?

– Целуешься. Ходишь на свидания. Занимаешься сексом. Одним словом, ты меня понимаешь.

В моей голове все завертелось, казалось, меня по лбу откуда-то изнутри черепа пнула чья-то нога.

– Нет… мм… нет, – произнес я заплетающимся языком. – Ничего такого.

Гарри тоже кивнул, словно мои слова имели какой-то смысл, и продолжил:

– Знаю, мальчики тебя тоже не интересуют. – Гарри посмотрел на стол, затем взглянул в сторону дома и продолжил: – Когда мне исполнилось шестнадцать, отец сводил меня к шлюхе. – Он покачал головой, а на его губах промелькнула едва заметная улыбка. – Чтобы пережить это, мне потребовалось целых десять лет.

Я не понимал, что на это можно сказать. Секс для меня был абсолютно чуждым, а мысль, чтобы платить за него для своего ребенка, особенно если этим ребенком был Гарри… Ну, это вообще… Я посмотрел на Гарри с чувством, похожим на панику, и он улыбнулся:

– Нет, я вовсе не собираюсь тебе предлагать это. Думаю, ты извлечешь больше пользы из удочки. – Гарри медленно покачал головой и устремил взгляд над столом, через задний двор на проходящую за ним улицу. – Или из разделочного ножа.

– Да, – ответил я, делая все, чтобы мой голос не звучал слишком возбужденно.

– Нет, нам обоим известно, чего ты хочешь. Но ты пока для этого не готов.

Начиная с первого разговора со мной о том, кто я такой (разговор состоялся во время памятной поездки за город), мы постоянно готовились. Добивались, по словам Гарри, умения принять боевую стойку. Как молодой псевдочеловек с бараньими мозгами, я был готов немедленно приняться за дело, но Гарри меня удерживал, всегда зная, что к чему.

– Я могу быть осторожным, – произнес я.

– Но ты пока далек от совершенства. Существуют правила, Декстер. Должны существовать. И они отделят тебя от всех других тебе подобных.

– Сливайся с окружением. Не оставляй следов, не рискуй и…

– Есть вещи более важные, – покачал головой Гарри. – Ты должен быть абсолютно уверен, что данная личность этого заслуживает. Мне множество раз приходилось отпускать задержанных, зная, что те виновны. Мерзавцы смотрели на меня и ухмылялись. Я тоже все знал и понимал, однако мне приходилось открывать для них двери. – Гарри стиснул зубы и стукнул кулаком по столешнице. – Тебе этого делать не придется. Но… ты должен быть уверен, абсолютно уверен, Декстер. – Он поднял руки, обратив их ко мне ладонями. – Добывай доказательства. Их, слава богу, тебе не придется предъявлять в суде. – Он горько рассмеялся и продолжил: – Тебе нигде не надо будет выступать. Но ты обязан получить доказательства, Декстер. И это самое важное. – Гарри постучал по столу костяшками пальцев. – Доказательства нужны прежде всего тебе. И даже раздобыв их… – Он сделал паузу, что было для него нетипично, а я молча ждал, что сейчас последует нечто весьма сложное. – Но, даже имея доказательства, тебе придется иногда их отпускать. Вне зависимости от того, насколько они заслуживают наказания. В тех случаях, например, когда они… слишком на виду. Если твои действия могут привлечь чрезмерное внимание, открывай для этих типов дверь.

Так обстояли дела. У Гарри, как всегда, был готов для меня ответ. В тех случаях, когда я не был до конца уверен, я слышал его шепот. Я не сомневался, что Доакс являет собой нечто большее, чем злобный и страдающий чрезмерной подозрительностью коп, но у меня не было никаких доказательств. Кроме того, обнаружение разделанного на куски полицейского способно вызвать возмущение всего города. После недавней безвременной кончины детектива

Лагуэрты полицейские чины не смогут остаться равнодушными к тому, что аналогичным путем отправился на тот свет еще один коп.

Каким бы необходимым это ни казалось, сержант Доакс находился для меня вне зоны доступности. Я мог сколько угодно любоваться из окна на стоящий под деревом «таурус», но сделать ничего не мог. Оставалось уповать на случай. На голову сержанта, например, могло упасть пианино. Печально, но мне приходилось рассчитывать лишь на простое везение.

Но в этот вечер никакой удачи на долю бедного Депрессивного Декстера не выпало; пианино из окон Майами в последнее время вылетали трагически редко. Поэтому я оставался в своей лачуге, шагая в расстройстве из угла в угол. Каждый раз, случайно выглянув из окна, я видел стоящий рядом с домом «таурус». Воспоминание о том, что я так радостно планировал час назад, глухо стучало в виски. *Неужели Декстер не может покинуть дом, чтобы предаться игре?* Увы, Темный Пассажир. Декстер взял тайм-аут.

Однако я мог сделать кое-что конструктивное, даже находясь взаперти в собственном жилище. Я вынул из кармана найденный на яхте Макгрегора смятый листок бумаги и расправил его, отчего мои пальцы стали липкими – на листке оставался клей с теплоизоляционной ленты. Итак: Рикер и номер телефона. Более чем достаточно, чтобы обратиться к одному из справочников, к которым имел доступ мой компьютер. Через пару минут я так и поступил. Номер принадлежал сотовому телефону, зарегистрированному на мистера Стива Рикера, проживающего в Коконат-Гроуве на Тайгертейл-авеню. В результате небольшой перекрестной проверки я узнал, что мистер Рикер является профессиональным фотографом. Вполне вероятно, что это было простым совпадением. На земном шаре наверняка обитает множество людей по фамилии Рикер, профессионально занимающихся фотографией. Я пробежался по «Желтым страницам» и обнаружил, что интересующий меня Рикер имеет специальность. Его объявление занимало четверть страницы и гласило: «ЗАПОМНИТЕ ИХ ТАКИМИ, КАКИЕ ОНИ СЕЙЧАС».

Рикер специализировался на фотографировании детей.

Теория совпадений может спокойно отдыхать.

Темный Пассажир пошевелился и, предвкушая очередное развлечение, издал короткий смешок, а я стал планировать поездку на Тайгертейл-авеню для предварительной краткой рекогносцировки. Это совсем недалеко. Я могу сейчас же проехать и…

И сержант Доакс двинется следом, чтобы продолжить игру, которая называется «Поймай Декстера за хвост». Замечательная идея, старик. Это избавит Доакса от утомительного расследования, когда Рикер в один прекрасный день исчезнет. Сержант сразу меня заберет, не тратя сил на всякую тягомотину.

Но когда Рикер, учитывая мои нынешние темпы, сможет исчезнуть? Как тяжело, имея в поле зрения столь выдающийся объект, держать себя в узде. Прошло уже несколько часов, Доакс все еще торчит в автомобиле на противоположной стороне улицы, а я сижу дома. Что делать? Однако в этом присутствовала и светлая сторона. Того, что видел Доакс, явно недостаточно, чтобы предпринять против меня какие-либо решительные действия, и поэтому он ограничился слежкой. Но существовал и длиннющий список минусов. На первом месте в списке стояло следующее: если Доакс продолжит слежку, то я буду вынужден оставаться в образе благовоспитанной лабораторной крысы, избегая всего более смертельного, чем движение на шоссе Палметто в час пик. Из этого ничего не получится. На меня давил не только Темный Пассажир, но и время. Мне скорее надо отыскать доказательства того, что фотографии для Макгрегора сделал Рикер. Если окажется, что это правда, то предстоит провести с ним резкую и вполне конкретную беседу. Но когда мистер Рикер выяснит, что его клиент, Макгрегор, отправился туда, куда отправляется вся мертвая плоть, то сбежит за далекие горы. А если мои коллеги из полицейского управления, не дай бог, свяжут концы с концами, то жизнь Динамичного Декстера может стать весьма некомфортной.

Но Доакс, видимо, устроился надолго, и в данный момент я не мог ничего поделать. Мысль, что Рикер, вместо того чтобы корчиться обернутым теплоизоляционной лентой, бродит на свободе, была для меня невыносимой. Homicidus interrupts[1], по моему мнению, ничуть не лучше, чем coitus interrupts[2]. Темный Пассажир издал тихий стон и заскрежетал зубами. Я прекрасно понимал, что он чувствует, но лишь расхаживал из угла в угол. Если я стану продолжать в том же духе, то протру на ковре дыру и никогда не получу назад страхового депозита за квартиру.

Вся моя сущность требовала предпринять нечто такое, что сбило бы Доакса со следа, но сержант не был заурядной ищейкой. Я видел только один выход, который был способен отвести запах от его жадно подрагивающих ноздрей. Существовала слабая надежда, что я смогу ему надоесть, ведя игру на выжидание. Я буду абсолютно нормальным до тех пор, пока он не отступит и не отправится ловить по-настоящему опасных обитателей нашего городского дна. Ведь даже сейчас эти монстры совершают двойные парковки, мусорят на улицах и угрожают голосовать за демократов на очередных выборах. Как смеет сержант тратить время на старину Декстера с его невинным хобби?!

Итак, я останусь безукоризненно заурядным до тех пор, пока у него от этого не разболятся зубы. На это, наверное, уйдут не дни, а недели, но я не сдамся. Стану вести ту синтетическую жизнь, которую придумал, чтобы казаться человеческим существом. А поскольку поведение человеческих существ, как правило, определяется сексом, я начну с того, что нанесу визит своей подружке Рите.

«Подружка» не очень подходящий термин по отношению к вполне взрослой женщине. А если разобраться по существу, то содержание его просто не лезет ни в какие ворота. Этот термин характеризует женщину, готовую предоставить секс, а вовсе не дружбу. Я часто замечал, что некоторые мужчины серьезно недолюбливают своих подружек. Однако настоящая ненависть хранится для брака. Я так и не сумел определить, чего женщины ждут от своих дружков, но что касается Риты, то я знал, чего она от меня хочет. Это определенно не секс, занятие, которое мне представляется таким же скучным, как подсчет дефицита внешнеторгового баланса.

По счастью, Рита тоже не интересовалась сексом. Во всяком случае, бóльшую часть времени. Она была продуктом раннего брака с человеком, видевшим красивую жизнь в курении крэка и избиении супруги. Однако этим он не ограничился и позже наградил ее несколькими экзотическими болезнями. Но когда он стал бить детей, воспетое в песнях в жанре кантри терпение Риты закончилось, и она выбросила эту свинью из своей жизни прямо за решетку.

Весь этот кавардак привел к тому, что она искала джентльмена, которого интересуют приятное общество и изысканная беседа, чуждого животному зову основного инстинкта. Иными словами, ей требовался мужчина, способный оценить тонкие свойства ее натуры и не горевший желанием заниматься акробатикой в обнаженном виде. Из этого следует, что ей был нужен Декстер. Почти два года Рита служила мне идеальным прикрытием и важнейшим ингредиентом того Декстера, которого знал мир. Я же взамен не колотил ее, не заражал болезнями и не донимал животной похотью. Мне казалось, что ей очень нравится мое общество.

В качестве бесплатного приложения ко всему этому я воспылал чувством к ее детишкам: дочери Астор и сынишке Коди. Подобная любовь может показаться вам странной, но, уверяю, это сущая правда. Если все человеческие существа каким-то таинственным образом исчезнут с лица земли, я стану сожалеть лишь о том, что некому будет выпекать мне пончики. Но дети меня интересуют и, по правде говоря, нравятся мне. Раннее детство Астор и Коди было очень трудным, и поскольку в младенчестве мне пришлось пережить то же самое, я испытывал к ним особую привязанность. Это нечто большее, чем простое желание выглядеть таким, как все.

---

[1] Прерванное убийство *(лат.). – Здесь и далее примеч. перев.*

[2] Прерванный половой акт *(лат.).*

Бонус в виде детишек не все. Рита и сама женщина привлекательная. У нее короткие светлые волосы, изящное и в то же время атлетическое сложение, и она редко произносит откровенные глупости. Я могу появляться с ней в обществе, зная, что мы выглядим парой вполне приличных, подходящих друг другу людей, что, собственно говоря, и есть самое главное. Некоторые даже утверждают, будто мы очень симпатичная парочка, хотя я так до конца и не понял, что это означает. Думаю, Рита находит меня привлекательным, но это, учитывая ее прошлый опыт со множеством мужчин, не очень мне льстит. Впрочем, приятно иметь рядом с собой человека, считающего тебя изумительным существом. Помимо всего прочего, это еще раз утверждает меня в моем низком мнении о людях.

Я взглянул на настольные часы. Пять часов тридцать две минуты. Через пятнадцать минут Рита вернется домой с работы в агентстве «Фэрчайлд тайтл», где занимается какими-то головоломными делами, имеющими отношение к десятым долям процента. Когда я доберусь до ее дома, она уже должна находиться там.

Выйдя из дверей, я с радостной, синтетической улыбкой на лице помахал сержанту Доаксу и двинулся в Южный Майами, где располагался скромный дом Риты. Уличное движение было не очень напряженным, и это означало, что на улицах не стреляли и никаких ДТП со смертельным исходом в последнее время не случилось. Через двадцать минут я припарковал машину рядом с принадлежащим Рите домом. Сержант Доакс проехал до ближайшего угла, а как только я постучал в дверь, вернулся и встал на противоположной стороне улицы.

Дверь распахнулась.

– О! – воскликнула Рита. – Декстер!

– Собственной персоной, – подтвердил я. – Я был здесь по соседству и решил проверить, дома ли ты.

– Я… я только что вошла и выгляжу, наверное, совершенно ужасно… Входи. Пива хочешь?

Пиво. Глупая идея. Я не прикасаюсь к этому, простите, напитку. Однако это так нормально и типично для визита к подружке после трудового дня, что сможет произвести впечатление даже на Доакса.

– Выпью с удовольствием, – ответил я и двинулся следом за Ритой в относительную прохладу гостиной.

– Присаживайся, – предложила она, – а я пока слегка освежусь. Дети во дворе, – улыбнулась Рита, – но, прознав, что ты здесь, сразу сядут тебе на шею. – Она чуть ли не бегом пронеслась по коридору и через миг вернулась с банкой пива. – Скоро вернусь, – пообещала Рита и отправилась в находящуюся в глубине дома спальню.

Я уселся на диван и принялся рассматривать банку. Вообще-то, я не пью. Хищникам регулярная выпивка не рекомендуется. Она замедляет рефлексы, притупляет восприятие и приподнимает защитный покров осторожности, что в моих обстоятельствах очень плохо. Но в данный момент я являл собой демона в отпуске, пытающегося пожертвовать своим могуществом ради того, чтобы стать человеком, и пиво вполне в масть для Дипсофоба Декстера.

Я сделал глоток. Пиво было горьким. Примерно такую же горечь испытывал бы я, если бы мне пришлось слишком долго держать на привязи Темного Пассажира. Тем не менее к пиву, похоже, можно привыкнуть. Еще раз приложившись к банке, я ощутил, как оно с бульканьем прокатилось по пищеводу и заплескалось в желудке. В этот момент я вспомнил, что за волнениями и страданиями дня забыл проглотить ланч. Ну и черт с ним, с ланчем, ведь это же всего-навсего легкое пиво! Во всяком случае, на банке с гордостью было заявлено «Lite Beer»; не «Light», как требуют правила грамматики, а именно «Lite». Думаю, нам следует быть благодарными пивоварам за то, что они не изменили написание второго слова.

Я сделал здоровенный глоток. Оказывается, пиво не так уж и плохо, если к нему привыкнуть. И клянусь Богом, оно действительно расслабляет. Я, во всяком случае, с каждым глотком

чувствовал себя все спокойнее. После очередного освежающего глотка вспомнил, что пиво не было таким вкусным, когда я последний раз пил его в колледже. Конечно, в то время я был еще мальчишкой, а не мужественным и зрелым гражданином своей страны, каким стал сейчас. Я потряс банку, но из нее не вылилось ни капли.

Непонятным образом банка опустела, а я по-прежнему продолжал ощущать жажду. Разве можно терпеть столь неприятную ситуацию? Нет. И я не имел намерения ее терпеть. Встав с дивана, я твердой, решительной походкой проследовал в кухню. В холодильнике оказалось еще несколько банок, и я, прихватив одну, вернулся на диван.

Сел, открыл банку и потянул пиво. Уф… Значительно легче. Будь он проклят, этот сержант Доакс! Предложить ему пивка? Может, оно успокоит его настолько, что сержант откажется от своей дурацкой затеи? Ведь что ни говори, а мы с ним находимся по одну сторону баррикад. Разве не так?

Я потянул еще пива.

Рита вернулась в шортах из джинсовой ткани и белом топике на бретельках, с крошечным бантиком на шее. Я был вынужден признать, что она выглядит великолепно. Декстер сумел выбрать для себя классное прикрытие.

– Итак, – сказала она, легко опустившись на диван рядом со мной, – я страшно рада тебя видеть свалившимся буквально с неба.

– Так и должно быть.

Она склонила голову набок и, хитро прищурившись, спросила:

– У тебя, кажется, был трудный день?

– Просто ужасный, – ответил я и приложился к банке. – Пришлось отпустить одного плохого парня. Очень плохого.

– О… – помрачнев, протянула она. – Почему ты не… Я хочу сказать, не мог бы просто…

– Я хотел «просто», но не мог. – Поприветствовав ее поднятой банкой, я добавил: – Политика… – И сделал здоровенный глоток.

– Я все никак не могу привыкнуть… – Рита покачала головой. – Хочу сказать, что со стороны это кажется таким ясным. Ты находишь плохого парня и убираешь его. Но при чем тут политика? А что он сотворил?

– Парень помог убить нескольких детишек.

– О… – Рита была потрясена. – Боже мой, но ты просто обязан что-нибудь предпринять.

Я улыбнулся. Она мгновенно увидела все в нужном свете. Какая девчонка! Разве я не упоминал, что умею выбирать среди них самых лучших?

– Ты угодила в самую точку. – Я взял Риту за руку, чтобы рассмотреть указательный палец. – Я способен кое-что предпринять. И сделать это очень хорошо. – Я погладил ее по руке, пролив при этом немного пива. – Знал, что ты все поймешь.

– О… – в некотором замешательстве произнесла Рита. – Каким образом… Что ты можешь сделать?

Почему бы не рассказать ей все, подумал я, снова приложившись к банке. Я видел, что основную идею Рита уловила. Так почему бы и нет? Я открыл рот, но, прежде чем успел произнести хотя бы слово о Темном Пассажире и о своем невинном хобби, в комнату вбежали Коди и Астор. Завидев меня, они замерли и стояли, переводя взгляды с меня на свою маму и обратно на меня.

– Привет, Декстер, – наконец произнесла Астор, ткнув локтем брата.

– Привет, – негромко сказал Коди. Парень не очень разговорчивый. Бедный мальчишка. Жизнь с папашей сильно отразилась на нем. – Ты пьяный? – спросил он, и это уже было для него длинной речью.

– Коди?! – в негодовании воскликнула Рита, но я, успокоив ее взмахом руки, сам ринулся в бой.

– Пьян? Кто? Я?

– Да, – подтвердил он.

– Конечно нет, – возразил я, одарив его исполненным достоинства взглядом. – Возможно, я нахожусь в легком подпитии, но это, согласись, иное.

– О-о-о… – протянул он, и в нашу беседу вмешалась его сестра:

– Ты останешься на обед?

– Пожалуй, мне стоит уйти, – произнес я, но Рита вдруг положила мне руку на плечо и заявила:

– В таком виде ты не можешь вести машину.

– В каком таком?

– В подпитии, – подсказал Коди.

– Я вовсе не в подпитии! – возмутился я.

– Но ты сам это сказал, – уличил меня Коди.

Я не мог припомнить, когда он в последний раз произносил подряд пять слов, и его речь вызвала у меня гордость за парня.

– Ты говорил, что не пьян, а находишься в легком подпитии, – сказала Астор.

– Я? – И, получив в ответ от обоих утвердительный кивок, продолжил: – В таком случае…

– В таком случае, – не дала мне закончить Рита, – ты остаешься обедать.

Что ж, раз так… Вероятно, я действительно перебрал. Нет, точно перебрал. Я помнил, что несколько раз ходил к холодильнику за пивом и, явившись туда в последний раз, сделал открытие, что пива больше нет. Оно куда-то исчезло. Позже я обнаружил себя сидящим на диване. Телевизор был включен, а я пытался уловить смысл произнесенных актерами слов и никак не мог взять в толк, почему невидимые зрители считали их диалог умопомрачительно смешным.

Рита села рядом со мной на диван и произнесла:

– Дети в постели. Как ты себя чувствуешь?

– Я чувствую себя замечательно.

– Это тебя по-настоящему тревожит? То, что ты отпустил плохого парня. Дети… – Рита придвинулась ближе, обняла меня и положила голову мне на плечо. – Ты очень хороший парень, Декстер.

– Вовсе нет, – проговорил я, безмерно удивившись, что она произносит такие странные фразы.

Рита выпрямилась и посмотрела сначала в мой правый глаз, затем – в левый, а потом снова в правый.

– Но ты хороший, и сам это прекрасно знаешь. – Она улыбнулась и снова положила голову на мое плечо. – Хорошо… что ты зашел ко мне. Я так думаю. Хорошо, что ты хочешь меня видеть, когда у тебя плохое настроение.

Я принялся убеждать ее, что это не совсем так, но затем до меня вдруг дошло: я действительно пришел к ней, потому что чувствовал себя скверно. Да, поначалу моей целью было лишь утомить Доакса и заставить его уехать прочь. Да, я был ужасно подавлен тем, что упустил возможность поиграть с Рикером. Но в итоге визит к Рите оказался замечательной затеей. Разве не так? Добрая, старая Рита. Она была очень теплой и очень приятно пахла.

– Добрая, старая Рита, – вслух повторил я, притянул ее к себе и прижался щекой к макушке.

Так мы сидели несколько минут, затем Рита вывернулась из моих объятий, поднялась и, потянув меня за руку, произнесла:

– Вставай. Пошли в постель.

Мы так и поступили. Когда я нырнул под простыню, а Рита прижалась ко мне, я вдруг осознал, какая она славная, как хорошо пахнет и сколько в ней тепла. Я почувствовал себя настолько комфортно, что…

Удивительная вещь пиво, не так ли?

Глава 6

Я проснулся с головной болью, чувством бесконечной вины и с полной потерей ориентации. Моя щека покоилась на розовой простыне. Простыни на моей маленькой кроватке – те, на которых я просыпаюсь, встречая новый день, – были не розовыми и пахли не так. Матрас для моего низкого ложа был слишком обширен, а головная боль, вне всякого сомнения, тоже не принадлежала мне.

– Доброе утро, красавчик, – прозвучал где-то над моими ступнями чей-то голос.

Я повернул голову и увидел Риту, смотревшую на меня со светившейся счастьем легкой улыбкой.

– Унг, – произнес я голосом, похожим на кваканье лягушки.

Даже от этого более чем скромного усилия голова заболела сильнее. Но, видимо, эта боль была чем-то забавна, поскольку улыбка Риты стала шире.

– Так я и думала, – сказала она и добавила: – Я принесу тебе аспирин. – Рита наклонилась, погладила мою ногу и удалилась в ванную комнату.

Я принял сидячее положение. Это было стратегической ошибкой, поскольку удары молота в моей голове стали еще сильнее. Я смежил веки, глубоко вздохнул и стал ждать появления аспирина. К нормальной жизни надо немного привыкнуть.

Но оказалось, что это не совсем так. Мне удалось выяснить: если ограничиться одной-двумя банками пива, то я расслабляюсь настолько, что способен слиться с подушкой на диване. Поэтому несколько вечеров подряд я с сержантом Доаксом в зеркале заднего вида останавливался после работы у дома Риты, играл с Коди и Астор и сидел рядом с Ритой на диване, когда детишки отправлялись спать. Около десяти я направлялся к двери. Рита, как мне казалось, ожидала прощального поцелуя, и я, как правило, целовал ее, стоя в двери, где меня мог видеть Доакс. При поцелуе я применял всю ту технику, которую подсмотрел в кино. Рита с радостью отвечала на мои поцелуи.

Я обожаю постоянство и к новому порядку вещей привык настолько, что сам почти начал в него верить. Новое существование было таким утомительно-скучным, что моя подлинная сущность отправилась спать. Откуда-то из самого дальнего и темного уголка Декстерленда до меня доносилось легкое похрапывание Темного Пассажира. Это меня пугало, и впервые в жизни я почувствовал себя одиноким. Но гнул свою линию, каждый день навещая Риту. Меня интересовало, как долго я смогу вести игру, зная, что Доакс продолжает слежку. Должен признаться, что это меня беспокоило. Я покупал цветы, сладости и пиццу. Целовал Риту все более и более диковинным образом, стоя в дверях, дабы Доакс как можно лучше мог обозревать мои успехи. Я понимал, что со стороны все это весьма потешно, но иного оружия у меня не было.

Несколько дней Доакс оставался со мной рядом. Предсказать момент появления сержанта не было никакой возможности, что делало его еще более опасным. Я не знал, где и когда он может объявиться, и поэтому мне чудилось, будто Доакс всегда поблизости. Когда я появлялся в зеленной лавке, Доакс ждал меня рядом с брокколи. Проезжая на велосипеде по Олд-Катлер-роуд, я обязательно наблюдал стоящий под баньяном темно-красный «таурус». Бывали дни, когда я не видел Доакса, но всегда ощущал его присутствие. Казалось, он кружит где-то рядом, держа нос по ветру, и я даже не смел подумать, что он отказался от своей затеи. То, что я не видел его, означало, что сержант либо хорошо спрятался, либо выжидает момента, чтобы неожиданно возникнуть передо мной.

В общем, меня вынудили круглые сутки оставаться Дневным Декстером, актером, застрявшим в кинофильме и знающим, что реальный мир совсем рядом, за пределами экрана. Но этот мир для него недостижим как луна. Рикер не давал мне покоя так же, как ночное све-

тило. Мысль, что он продолжает спокойно топать по жизни в своих нелепых красных сапогах, казалась почти невыносимой.

Конечно, я догадывался, что даже Доакс не может продолжать слежку вечно, ведь граждане Майами выплачивают ему приличное жалованье за выполнение определенной работы, и иногда он обязан заниматься ею. Но Доакс, как никто другой, понимал, что приливной вал нетерпения обрушивается на меня все сильнее, и в конце концов я буду вынужден скинуть маску. И я действительно должен буду ее скинуть, поскольку голос на заднем сиденье звучал все громче. Сержанту Доаксу оставалось проявить совсем немного терпения.

Итак, мы балансировали на лезвии ножа, который, как ни печально, пока оставался лишь заезженной метафорой. Рано или поздно я буду вынужден стать самим собой. Но до тех пор я буду постоянно видеть Риту. Она, конечно, не могла осветить путь Темному Пассажиру, но я пока нуждался в своем тайном прикрытии. До тех пор, пока я не избавлюсь от Доакса, Рита останется моим плащом, моими рейтузами и моей поясной сумкой – одним словом, почти всем моим одеянием.

Ну и ладно, стану сидеть на диване с банкой пива в руках, смотреть по телевизору «Остаться в живых» и размышлять о различных забавных вариантах той игры, которая никогда не окажется на телевизионных экранах. Впрочем, если вы добавите имя Декстер в число потерпевших крушение и воспримете название буквально, то…

Все было не так отвратительно, мрачно и безрадостно. Несколько раз в неделю я приходил повалять дурака в компании Коди, Астор и других проживающих по соседству необузданных созданий, что приводит нас к тому, с чего мы начали. А именно – к Декстеру Без Ветрил, не способному плыть по волнам своей обычной жизни и ставшему на якорь среди детского гогота и пустых упаковок из-под равиолей. Вечерами, когда шел дождь, мы, оставшись в доме, сидели за обеденным столом, а Рита занималась стиркой, мыла посуду или каким-то иным способом наводила лоск в своем уютном гнездышке. Существует не так много домашних игр, в которые можно играть с парой детишек столь нежного возраста и со слегка подорванной психикой. Большинство настольных игр их не интересовало, или же они не могли понять правила, а карточные игры требовали таких простосердечия и примитивизма, каких даже я был не в силах изобразить. В конце концов нашим хитом стал «Висельник» – игра образовательная, креативная и попахивающая убийством, что радовало всех, включая Риту. Если бы вы могли спросить меня – такого, каким я был в эпоху до появления Доакса, – являются ли «Висельник» и пиво «Миллер лайт» моим идеалом, я был бы вынужден признать, что Декстер слишком мрачен для подобного времяпрепровождения. Но по мере того, как дни громоздились один на другой, а я все глубже скатывался в реальность своего вымышленного образа, я должен был задать себе вопрос: не слишком ли мне нравится образ жизни Мистера Декстера-Домовладельца?

Меня утешало то, что Астор и Коди ухитрялись ставить клеймо хищников даже на такое невинное занятие, как игра «Висельник». Энтузиазм, с которым они отправляли на виселицу маленькие фигурки, позволял мне чувствовать то, что мы принадлежим к одному виду. Когда они радостно умерщвляли своих безымянных жертв, я ощущал родство наших душ.

Астор очень быстро научилась рисовать виселицу и линии для букв. И конечно, была более словоохотливой, нежели другие. «Семь букв, – говорила она, а затем, прикусив верхнюю губу, быстро добавляла: – Постойте. Не семь, а шесть». Когда мы с Коди не угадывали очередную букву, она дополняла рисунок и радостно объявляла: «Ха! Рука!» Коди безучастно смотрел на сестру и переводил взгляд на висящую в петле фигурку. Когда наступала его очередь играть, а мы били мимо цели, он негромко произносил: «Нога» – и смотрел на нас с таким видом, который у людей, более склонных демонстрировать свои эмоции, можно назвать триумфальным. А когда линия тире под рисунком полностью превращалась в слово, они оба с огромным удовольствием смотрели на болтающегося в петле человечка. Коди даже пару раз

успевал сказать: «Мертвец!», прежде чем Астор, подпрыгнув на стуле, заявляла: «Еще раз, Декстер! Мой ход!»

В общем, полная идиллия. Наша безупречная семейка состояла из Риты, двух детишек и Монстра. Но сколько бы рисованных фигурок мы ни подвергли экзекуции, это не могло унять мою тревогу в связи с тем, что время быстро бежит в невидимую глазом сточную канаву. Я переживал, что скоро превращусь в седовласого старца, слабого даже для того, чтобы поднять нож для нарезки мяса. Стану брести сквозь ужас ординарных дней, а по моим следам будут тащиться дряхлый сержант Доакс и ощущение утерянных возможностей.

До тех пор пока я не придумаю выхода, мне придется болтаться в петле, как начертанные Астор и Коди фигурки. Унылая перспектива. Должен признаться, что я почти утратил надежду, чего не случилось бы, если бы держал в памяти одно весьма важное обстоятельство.

Это – Майами.

Глава 7

Так не могло продолжаться долго. Мне следовало бы знать, что столь ненормальное развитие событий должно уступить место естественному ходу вещей. Ведь я живу в городе, где за каждым облаком подобно солнечному сиянию скрывается членовредительство. Через три недели после моего первого нарушившего жизненное равновесие свидания с сержантом Доаксом в облаках наконец появился просвет.

Это была удача – не упавшее пианино, на которое я так надеялся, но тоже весьма счастливое совпадение. Я сидел за ланчем с сестрой Деборой. Простите меня великодушно, я должен был сказать «сержантом Деборой». Как и отец Гарри, Деб была копом. В результате счастливого завершения недавних событий ее повысили в чине, вытряхнули из костюма проститутки, который она была вынуждена носить, служа в полиции нравов, прогнали с тротуара и выдали набор собственных сержантских нашивок.

Это должно было сделать ее счастливой. Во всяком случае, это было именно то, чего, как ей казалось, она хотела. Дебора давно мечтала перестать прикидываться шлюхой. Любого более или менее привлекательного молодого копа женского пола из полиции нравов рано или поздно привлекают к тайной операции по борьбе с проституцией, а Дебора, надо признаться, весьма хороша собой. Но роскошная фигура и здоровый вид не принесли моей сестре пользы. Они лишь вводили ее в смущение. Сестренка терпеть не могла надевать вещи, которые хоть немного намекали на ее физическое очарование, а пребывание на улице в откровенных штанишках и коротком топике без бретелек являлось для нее сущим мучением. Существовала угроза, что мрачное выражение лица прилипнет к ней навеки. Так же как и соответствующие этому выражению морщины.

Как всякое бесчеловечное чудовище, я стремлюсь быть логичным и поэтому пришел к заключению, что новое назначение положит конец ее мученичеству в роли Святой Девы Постоянной Сварливости. Но, увы, даже перевод в убойный отдел оказался не в состоянии вызвать на ее лице улыбку. В свое время Дебора решила, будто серьезные сотрудники правоохранительных органов должны перекроить свои физиономии так, чтобы стать похожими на здоровенных злобных рыб, и в настоящее время моя сводная сестра делала все, чтобы добиться в этом деле совершенства.

Мы прибыли на ланч в новой машине, полученной Деборой в автомобильном гараже убойного отдела. Это было еще одним проявлением повышения в звании, призванным бросить солнечный луч в мрачный мир существования моей сестрицы. Однако последнего, как мне казалось, не произошло. Может, мне уже начать за нее тревожиться? Я продолжал следить за сестрой, скользнув в одну из кабинок нашего любимого кубинского ресторана «Рампаго». Сообщив диспетчеру свое местонахождение и фамилию, Дебора заняла место за столиком напротив меня.

– Итак, Сержант Большая Рыба… – произнес я, когда мы получили меню.

– Полагаешь, это смешно, Декстер?

– Да, ужасно смешно. И немного печально. Как и сама жизнь. Особенно твоя жизнь, Дебора.

– Да пошел ты, Декстер! – сказала она. – Моя жизнь просто прекрасна.

Чтобы доказать это, Дебора заказала себе лучший в Майами сэндвич «медианоче» и молочный коктейль «батидо де мамей» с редким тропическим фруктом, обладающим вкусом персика и арбуза.

Моя жизнь была столь же прекрасной, как и ее, поэтому я заказал себе то же, что и сестра. Поскольку мы являлись завсегдатаями, посещавшими заведение чуть ли не всю свою жизнь,

пожилой небритый официант с выражением лица, способным служить для Деборы моделью, вырвал из наших рук меню и затопал в кухню с видом двигающейся на Токио Годзиллы.

– Все веселы и счастливы, – заметил я.

– Это не сериал «Соседство мистера Роджера», Декс. Это Майами. Здесь счастливы только плохие парни. – Она одарила меня взглядом идеального копа и поинтересовалась: – Как случилось, что ты не смеешься и не поешь?

– Нехорошо с твоей стороны, Деб. Нечестно. Я остаюсь хорошим вот уже несколько месяцев.

– Угу, – буркнула она, отпив воды. – И от этого у тебя едет крыша.

– Гораздо хуже, – содрогнувшись, вздохнул я. – Похоже, это делает меня нормальным.

– Тебе меня не обдурить.

– Как ни печально, но это так. Я стал домоседом. – Немного поколебавшись, я выложил ей все. А что? Если парнишка не имеет возможности поделиться своими проблемами с членами семьи, то кому еще он может доверять? – И в этом виноват сержант Доакс, – закончил я.

– У сержанта на тебя большой зуб, – кивнула Дебора. – Держись от него подальше.

– С удовольствием. Но дело в том, что он не держится подальше от меня.

Ее взгляд копа стал более жестким.

– Что ты намерен в связи с этим предпринять?

Я открыл рот, чтобы с негодованием отмести все, что на самом деле замышлял, но, к счастью для моей бессмертной души, прежде чем я успел соврать, портативное радио Деборы подало сигнал. Сестра склонила голову набок, схватила трубку и сообщила, что уже находится в пути.

– Пошли! – бросила она, направляясь к дверям.

Я последовал за ней, задержавшись лишь на миг, чтобы бросить на стол деньги. Когда я вышел из «Релампаго», Дебора уже выводила задним ходом машину. Я подбежал к автомобилю и схватился за ручку дверцы. Сестренка рванула с парковки еще до того, как я успел втянуть в салон обе ноги.

– Побойся Бога, Деб! – обиделся я. – Я чуть не потерял ботинок. Что за спешка?

Дебора с мрачным видом нажала на акселератор и проскочила в узкое пространство между двумя мчащимися машинами. На подобные подвиги способны лишь водители славного города Майами.

– Не знаю, – ответила она и врубила сирену.

Я моргнул и, стараясь перекричать грохот улицы, спросил:

– Разве диспетчер тебе не сообщил?

– Тебе когда-нибудь доводилось слышать, Декс, как заикается диспетчер?

– Нет, Деб, не доводилось. А что, этот очень сильно заикался?

Деб рывком обогнала школьный автобус и выскочила на шоссе. Круто повернув баранку, она избежала столкновения с «БМВ», под завязку набитым какими-то юнцами. Молодые люди хором послали нам вдогонку проклятие.

– Я думаю, это убийство, – проговорила она.

– Ты так думаешь…

– Да. – И Деб сконцентрировала внимание на дороге.

Я оставил ее в покое. Езда с большой скоростью всегда напоминает мне, что я смертен, особенно на дорогах Майами. Что же касается «Дела о заикающемся диспетчере», то мы с сержантом Нэнси Дрю узнаем о его сути очень скоро с учетом скорости, с которой гнала казенный автомобиль Дебора. А нетерпеливое возбуждение всегда доставляло мне удовольствие.

За несколько минут Деб ухитрилась без серьезных людских потерь промчаться по эстакаде у стадиона «Оранж-Боул», спуститься на землю, сделать несколько крутых поворотов и с визгом шин тормознуть рядом с домом на Четвертой улице.

По обеим сторонам улицы тянулись однотипные дома. Они стояли на крошечном расстоянии друг от друга, но зато каждый мог похвастаться собственной цепной изгородью. Многие здания были выкрашены в яркие тона и имели мощеные дворики.

Перед нужным нам домом уже стояли две полицейские машины с работающими проблесковыми маячками. Пара патрульных полицейских растягивала вокруг места преступления желтую пластиковую ленту, а когда мы вышли из автомобиля, то увидели третьего копа. Парень, сгорбившись и закрыв лицо ладонями, сидел на переднем сиденье патрульной машины. На открытой веранде дома рядом с рыдающей пожилой дамой стоял четвертый коп. На веранду вели ступени, на которых и сидела старуха. Она прерывала рыдания лишь для того, чтобы немного поблевать. Где-то рядом на одной ноте выла собака.

Дебора решительным шагом подошла к одному патрульному. Это был темноволосый, плотного сложения человек средних лет. Выражение его лица свидетельствовало о том, что сейчас он тоже больше всего хотел бы сидеть в машине, закрыв лицо ладонями.

– Что здесь у нас? – спросила Дебора, продемонстрировав свой значок.

Коп, не глядя на меня и Деб, покрутил головой и выпалил:

– Я туда больше не пойду, пусть это даже будет стоить мне пенсии!

Он развернулся и резво двинулся к одной из машин, растягивая на ходу желтую ленту, словно та могла защитить его от того, что находилось в доме.

Дебора посмотрела в спину копа, а затем перевела взгляд на меня. Признаюсь, я не мог сказать ей ничего полезного или умного, и мы молчали, глядя друг на друга. Лента шуршала под ветром, а собака продолжала выть. Жутковатое завывание в стиле йодль, которое никоим образом не могло усилить моей любви к собачьему роду.

– Кто-то должен заткнуть пасть этой треклятой псине! – объявила Дебора, нырнула под желтую ленту и направилась к дому.

Я двинулся следом. Через несколько шагов я сообразил, что источник воя становится ближе. Собака находилась в доме. Скорее всего, выл любимец жертвы. Животные очень часто скверно реагируют на смерть хозяина.

Мы задержались у ступеней. Деб посмотрела на идентификационный значок копа и произнесла:

– Коронел, эта дама – свидетель?

– Да, – не поднимая глаз, ответил полицейский. – Это миссис Медина. Она сообщила в полицию.

Пожилая женщина отвернулась, и все то, что еще оставалось в ее желудке, вылилось на землю.

– А что это за собака? – приняв еще более суровый вид, спросила Дебора.

Коронел издал какой-то лающий звук – нечто среднее между смехом и отрыжкой. Ничего членораздельного он так и не произнес.

Деборе это показалось явным перебором, и я не склонен был ее винить.

– Что, дьявол вас всех побери, здесь происходит?! – гаркнула она.

Коронел наконец поднял голову и посмотрел на нас. Его лицо было похоже на неподвижную маску.

– Взгляните сами, – проговорил он ровным, без всякого выражения тоном и отвернулся.

Дебора намеревалась что-то сказать, но передумала. Вместо этого она посмотрела на меня и пожала плечами.

– Что ж, мы действительно можем взглянуть, – произнес я, надеясь, что ничем не выдал своего нетерпения.

На самом деле мне очень хотелось посмотреть на то, что вызвало у закаленных копов Майами столь необычную реакцию. Сержант Доакс мог с успехом лишить меня возможности вершить дела, но он был не в силах помешать мне наслаждаться творчеством других мастеров.

В конце концов, моя работа включает в себя и осмотр трупов, а от своего труда каждый должен получать удовольствие. Разве не так?

Дебора же, напротив, демонстрировала столь несвойственную для нее нерешительность. Она обернулась и посмотрела на машину, в которой все еще сидел коп, спрятав лицо в ладонях. Затем Деб перевела взгляд на Коронела и пожилую женщину, а после уставилась на входную дверь маленького дома. Выдержав паузу, она набрала полную грудь воздуха, резко выдохнула и произнесла:

– Ладно. Пойдем взглянем.

Дебора не сдвинулась с места, и я, проскользнув мимо нее, толчком распахнул дверь.

В гостиной маленького дома царил сумрак – жалюзи опущены, а шторы задернуты. В ней стояло лишь одно кресло, которое, судя по его виду, было приобретено у старьевщика. На кресле чехол – такой грязный, что установить его первоначальный цвет невозможно. Кресло находилось перед складным фанерным столом со стоящим на нем маленьким телевизором. Больше в комнате ничего не было. Из-под двери на противоположной от входа стене пробивалась полоска света и доносился вой в стиле йодль. Я направился в глубину дома.

Животные меня не любят, и это доказывает, что они гораздо умнее, чем мы думаем. Они, похоже, чувствуют, что я собой представляю, и выражают свое неодобрение. Порой это делается в демонстративной форме. Поэтому я не очень жаждал свидания с собакой, настроение которой было уже испорчено. Но я все же осторожно шагнул через порог, произнеся с надеждой в голосе:

– Собачка… Хорошая…

Судя по вою, мне предстояла встреча не с хорошей собачкой, а с питбулем, мозги которого сдвинулись под воздействием бешенства. Но я всегда стараюсь делать хорошую мину при плохой игре, будь это даже рандеву с одним из наших четвероногих друзей. В общем, я приблизился к двери, изобразив на физиономии бесконечную доброту и беспредельную любовь ко всему животному миру. Скорее всего, за дверью находилась кухня.

Коснувшись открывающейся в обе стороны двери, я ощутил легкую и чуть тревожную вибрацию Темного Пассажира. «В чем дело?» – поинтересовался я, но ответа не последовало. Я закрыл глаза, но страница осталась чистой; на внутренней стороне моих век не появилось никакого тайного послания. Я пожал плечами, толкнул дверь и вступил в кухню.

Верхнюю половину кухни покрывала давно выцветшая и изрядно засаленная желтая краска, а нижнюю украшала белая с синими полосами кафельная плитка. В углу стоял небольшой холодильник, а на кухонной стойке располагалась электрическая плитка. Пальмовый жук, промчавшись по стойке, нырнул за холодильник. Единственное окно кухни было заколочено фанерой, и помещение освещала свисающая с потолка электрическая лампочка без абажура.

Под лампочкой стоял большой тяжелый деревянный стол старинной работы. Ножки стола имели квадратное сечение, а столешница отделана фаянсом. На стене висело огромное зеркало под углом, позволявшим видеть все, что лежало на столе. И в зеркале в данный момент отражалось… мм…

Полагаю, что находящееся на столе существо начало свою жизнь как человек. Вероятно, как мужчина южноамериканского происхождения. В том состоянии, в котором он находился, определить это было довольно трудно даже для меня. Однако, несмотря на изумление, я не мог не восхититься тщательностью работы и той аккуратностью, с которой ее провели. Подобной работе позавидовал бы даже хирург, хотя вряд ли какой-либо хирург мог оправдать перед организацией медицинского обеспечения необходимость подобной операции.

Я, например, никогда недодумался бы до того, чтобы удалить губы и срезать веки. Несмотря на то что вполне обоснованно горжусь тонкостью своей работы, я не сумел бы сделать этого, не повредив глаз. Сейчас же взгляд глаз, которые не могли ни закрыться, ни даже мигнуть, бешено мечась из стороны в сторону, постоянно возвращался к зеркалу. Я не знал,

как это делалось, но у меня складывалось ощущение, будто глаза обрабатывались последними, намного позже того, как были аккуратно удалены нос и уши. Однако не мог решить, как поступил бы я. Я никогда не знал, когда лучше заняться лицом: после того, как удалены руки, ноги и гениталии, или же до того. Выбор трудный, но, судя по результату, в данном случае все было совершенно правильно. Здесь работал специалист, не страдавший от недостатка практики. Увидев хорошо препарированное тело, мы часто говорим: «Хирургическая работа». Но в данном случае действовал настоящий хирург. Кровотечение полностью отсутствовало. Исключением не был даже рот, хотя губы и язык были изъяты. Удалены даже зубы, и подобной тщательностью невозможно не восхищаться. Каждый разрез профессионально закрыт. К каждому плечу, или, вернее, к тем местам, откуда раньше свисали руки, прикреплены клейкой медицинской лентой белые марлевые тампоны. Многие порезы уже зажили, как бывает только в самых лучших больницах.

С тела срезано все. Абсолютно все. Ничего не осталось, кроме голой, лишенной всяких человеческих черт головы, прикрепленной к торсу. Я не мог представить, как это можно было осуществить, не убив объекта. Причины, побудившие кого-то осуществить подобного рода операцию, лежали за пределами моего понимания. Такая жестокость позволяла задать вопрос: является ли наша Вселенная действительно хорошим местом? Прошу простить, если эти слова в устах Декстера Мертвая Голова звучат лицемерно. Прекрасно знаю, что я такое, знаю результаты своих поступков, но это было совсем не то, что я сейчас видел перед собой. Я совершал только то, что Темный Пассажир считал необходимым, и имел дело лишь с теми, кто действительно того заслуживал. В результате моей деятельности всегда наступала смерть, что, по мнению лежащего на столе существа, могло быть и не плохим исходом.

Но подобное… Провести неспешное препарирование и оставить жертву в живых перед зеркалом… Я чувствовал, как в глубинах моего существа зарождается и постепенно разрастается черное изумление, и Темный Пассажир впервые стал ощущать себя фигурой менее значительной.

То, что находилось на столе, судя по всему, не заметило моего появления и продолжало издавать звуки, свойственные собаке, страдающей психическим расстройством. Одна страшная, чуть колеблющаяся нота повторялась снова и снова.

За моей спиной возникла Дебора.

– Боже мой, – прошептала она. – Что это?

– Не знаю, – ответил я. – Во всяком случае, не собака.

Глава 8

Я ощутил легкое движение воздуха, оглянулся и увидел, что прибыл сержант Доакс. Он осмотрел кухню, а затем его взгляд остановился на столе. Должен признать, мне было очень интересно увидеть его реакцию на столь неординарную картину, и в силу этого обстоятельства стоило немного выждать. Когда Доакс узрел главный экспонат кухни, его взгляд застыл, а сам он окаменел, став похожим на статую. Через некоторое, и довольно продолжительное, время сержант медленно заскользил к столу. Двигался он так, словно его тащили на веревке. Пройдя мимо нас и не заметив нашего присутствия, он остановился у стола.

Несколько секунд Доакс смотрел на то, что находилось на столе. Затем, так ни разу и не моргнув, сержант сунул руку за борт спортивного пиджака и извлек пистолет. Медленно, без всякого выражения на лице, он прицелился в точку между немигающими глазами все еще выступающего в манере йодль существа и передернул затвор.

– Доакс, – сухо и хрипло произнесла Дебора. Прокашлявшись, она сделала вторую попытку: – Доакс!

Сержант не повернул головы и не ответил, однако на спуск не нажал, что крайне печально. Что нам делать с этим существом? Похоже, оно не сможет нам сообщить, кто это сделал. У меня возникло ощущение, что его дни как полезного члена общества сочтены. Так почему бы Доаксу не избавить его от страданий? После этого я и Деб с большой неохотой напишем рапорт о поступке Доакса, его выгонят со службы и даже посадят в тюрьму. Со всеми моими проблемами будет покончено. Очень изящный выход из создавшегося положения, но Дебора с ним, увы, никогда не согласилась бы. Временами Деб бывает слишком привередливой и излишне официальной.

– Убери оружие, Доакс, – сказала она.

Сержант повернул голову в ее сторону, но его тело осталось абсолютно неподвижным.

– Это единственное, что нам остается, – пробормотал сержант. – Поверь.

– Ты же хорошо знаешь, что не имеешь на это права, – возразила Дебора.

Они молча пялились друг на друга, а затем взгляд Доакса переместился на меня. Я едва сдерживался, чтобы не пробормотать нечто вроде: «Чего телишься? Стреляй». Но я все же заставил себя промолчать, и Доакс обратил ствол в потолок. Он посмотрел на стол, покачал головой и убрал оружие в кобуру.

– Ну и дерьмо! Зря не позволили! – буркнул он и быстро вышел из кухни.

Вскоре помещение наполнилось людьми, делавшими все, чтобы во время работы не поднимать глаз. Эксперт Камилла Фидж, коренастая женщина с короткой стрижкой, обычно либо пялится на вас, либо сразу краснеет, но сейчас она тихонько плакала, обрабатывая кухню порошком для выявления отпечатков. Эйнджел Батиста-не-родственник (как звали его мы, поскольку он сам так всегда представлялся при знакомстве, опасаясь, что его примут за родича диктатора Батисты) побледнел и трудился, сжав губы. Кухню он, однако, не покинул. Нашего коллегу Винса Масуку, который всегда держался так, словно был единственным человеческим существом в нашем обществе, била такая дрожь, что он вышел из дому и присел на веранде.

Я уже начал подумывать, не прикинуться ли мне дрожащим от ужаса, чтобы не выделяться из толпы. Наверное, стоило выйти на улицу и посидеть рядом с Винсом. О чем люди говорят в такие моменты? О бейсболе? О погоде? Наверняка они не толкуют о том, что заставило их убежать из кухни. Удивительно, но я понял, что не прочь поговорить об этом. Должен признать, предмет на столе начал вызывать определенный интерес у обитавшей внутри меня личности. Я постоянно делал все, чтобы оставаться незаметным, и вот нашелся некто, поступающий наоборот. У монстра, вне сомнения, имелась какая-то причина. Скорее всего, это был совершенно естественный соревновательный дух, но подобное положение меня раздражало.

Хотелось узнать как можно больше. Кто бы ни совершил это, он не был похож ни на одного из тех, кого мне когда-либо приходилось встречать. А не внести ли мне этого анонимного хищника в свой список? Или будет лучше, если я затрясусь от ужаса и сяду на веранде?

Пока я решал эту нелегкую проблему, мимо меня снова промчался сержант Доакс. Впрочем, на сей раз он для разнообразия даже замедлил ход, чтобы обжечь меня взглядом. А я вспомнил, что благодаря ему не имею возможности в данный момент поработать над списком. Это меня слегка угнетало, но одновременно облегчало принятие решения. Я начал придавать физиономии соответствующее случаю обеспокоенное выражение, но успел лишь вскинуть брови. В кухню, демонстрируя свое превосходство, влетели врачи «скорой помощи». Завидев жертву, они остановились как вкопанные. Один из них сразу выбежал. Вторая – молодая чернокожая женщина – повернулась ко мне и спросила:

– И что, по-вашему, мы должны с этим делать? – И заплакала.

Вы должны признать, что в ее словах присутствовала доля истины. Решение, предложенное сержантом Доаксом, стало казаться мне не только практичным, но и в какой-то степени элегантным. В том, чтобы грузить эту вещь на каталку, а затем везти по забитым машинами улицам Майами в больницу, смысла мало. Что там с ней делать? Ясно одно: кто-нибудь должен что-либо предпринять. Если мы все останемся торчать вокруг этого куска мяса, кто-то обязательно сообщит прессе о блюющих во дворе дома копах, что, бесспорно, скверно отразится на имидже управления.

В итоге роль организатора взяла на себя Дебора. Она убедила работников «скорой помощи» впрыснуть в существо успокоительное и увезти. Тишину, наступившую в маленьком домике, после того как умолк вой в стиле йодль, можно было назвать экстатической. Это удивительным образом позволило слегка расстроенным экспертам вернуться к работе. Медики завернули существо в простыню, погрузили на каталку, ухитрившись не уронить, и увезли.

Это было сделано вовремя. Едва «скорая помощь» успела отъехать от тротуара, как начали прибывать машины прессы. Это было в некотором роде даже огорчительно. Я с удовольствием взглянул бы на реакцию репортеров. Особенно мне хотелось увидеть физиономию Рика Сангре. В нашем округе он сам являлся ярым приверженцем лозунга: «Чем больше крови, тем ближе к первой полосе», и я никогда не видел на его лице выражения боли или ужаса, если не считать тех случаев, когда, находясь перед камерой, он вдруг замечал непорядок в своей прическе. Но его реакции мне видеть было не суждено. Когда операторы приготовились к съемке, снимать уже было нечего, кроме домика, окруженного желтой полицейской лентой, и горстки полицейских с плотно сжатыми губами. Копы избегали беседовать с Сангре и в хорошие дни, а сегодня они, похоже, даже не назвали бы ему собственных имен, если бы парня это вдруг заинтересовало.

У меня, по правде говоря, дел не было. Я приехал на автомобиле Деборы, и у меня с собой не было кейса с нужными приборами и инструментами. Кейс, впрочем, и не нужен, так как я нигде не увидел пятен крови. Поскольку это мое поле деятельности, мне хотелось что-нибудь обнаружить, чтобы хоть как-то быть полезным. Но наш друг-хирург оказался чрезмерно внимателен. Я осмотрел другие помещения, которых было не много. В доме имелись маленькая спальня, крошечная ванная комната и чулан. Все они были пусты, если не считать потертого матраса на полу спальни. Матрас выглядел так, словно его приобрели в той же лавке старьевщика, что и кресло в гостиной. Кроме того, он был настолько тощим, что больше всего походил на хорошо отбитый кубинский бифштекс. Больше никакой мебели. Отсутствовала и домашняя утварь. Я не увидел даже пластиковой ложки.

Единственный предмет, имевший хотя бы крошечный отпечаток чего-то личного, обнаружил под столом Эйнджел-не-родственник. Это случилось, когда я заканчивал тур по дому.

– Вот! – воскликнул он и пинцетом поднял с пола какой-то небольшой предмет.

Я подошел к нему и посмотрел, что это такое. Находка, по-моему, не стоила подобных усилий. Листок белой бумаги, слегка помятой сверху. Уголок листка оторван. Я взглянул через голову Эйнджела и увидел на краю стола белый треугольник – недостающую часть листка. На столе он держался с помощью небольшого кусочка скотча.

– Смотри, – сказал я.

– Да, – кивнул он, взглянув на обрывок.

Чтобы лучше изучить клейкую ленту – скотч отлично хранит отпечатки, – он положил обрывок на пол, а я присел на корточки. На листке имелись какие-то начертанные тонким почерком буквы. Я склонился еще ниже и прочитал: «Преданность».

– Преданность? – произнес я вслух.

– Точно. Разве это не важная добродетель?

– Давай спросим у него, – усмехнулся я, а Эйнджел содрогнулся всем телом и едва не выронил пинцет.

– Me cago en diez![3] – воскликнул он и достал пластиковый пакет, чтобы отправить туда бумагу. Это действо вряд ли заслуживало моего внимания, и, поскольку смотреть было решительно не на что, я двинулся к двери.

Я, конечно, не являюсь профессиональным психоаналитиком, но благодаря своему мрачному хобби часто могу взглянуть изнутри на другие преступления, имеющие почти идентичное происхождение. Однако данное правонарушение выходило за границы всего, что я когда-либо видел или мог вообразить. Здесь не имелось ничего, что указывало бы на личность или мотивы, и я был не только заинтригован, но и раздражен. Скажите, какой хищник способен оставить на столе извивающееся в конвульсиях и воющее мясо?

Я вышел из дому и остановился на веранде. Доакс, топчась рядом с капитаном Мэттьюсом, рассказывал нечто такое, отчего капитан выглядел встревоженным. Дебора, склонившись над пожилой женщиной, негромко говорила что-то. Я ощутил на лице дуновение ветра. Это был бриз, который начинает дуть в этих краях перед началом дневной грозы. Я посмотрел по сторонам и увидел, как первые крупные капли дождя расплываются на тротуаре. Сангре, стоящий перед желтой лентой и размахивающий микрофоном, дабы привлечь внимание капитана, взглянул на облака. Как только раздались первые раскаты грома, он сунул микрофон в руки помощника и нырнул в микроавтобус.

В моем желудке также послышались раскаты, и я вспомнил, что за всей этой суетой пропустил ланч. Этого ни в коем случае не следовало делать, так как я должен поддерживать свои силы. Мой от природы высокий уровень метаболизма требовал постоянного внимания. Никакой диеты для Декстера! Но отъезд целиком зависел от Деборы, а у меня возникло предчувствие, что упоминание в данный момент о возможном приеме пищи сестра встретит без восторга. Я снова посмотрел в ее сторону. Дебора все еще ворковала с пожилой миссис Мединой. Та перестала блевать, сосредоточившись на рыдании.

Я вздохнул и зашагал под дождем к машине. Я не имел ничего против того, чтобы промокнуть. Похоже, у меня будет достаточно времени, чтобы успеть просохнуть.

Ожидание оказалось долгим. Пришлось ждать более двух часов. Я сидел в автомобиле, слушал радио и пытался кадр за кадром представить, что значит поглощать сэндвич «медианоче». Слышал хруст хлебной корки, такой поджаристой, что она, прежде чем отправиться внутрь, слегка царапает полость рта. Затем ощутил привкус горчицы, за которым последовал умиротворяющий вкус сыра и чуть присоленного мяса. Следующий укус одарил меня восхитительным маринованным огурчиком. Надо прожевать его хорошенько, чтобы полностью насладиться ароматом, и лишь затем проглотить. После этого необходимо сделать большущий гло-

[3] Да насрать мне! *(исп.).*

ток «Iron beer» (произносится: ироан байер), и это вовсе не пиво, а содовая. Я вздохнул. Какое блаженство! Я предпочел бы прием пищи любому занятию, за исключением игр в компании Темного Пассажира. То, что я еще не разжирел, – подлинное генетическое чудо.

Когда Дебора наконец вернулась в машину, я поглощал уже третий виртуальный сэндвич. Сестра скользнула на водительское место, захлопнула дверцу и некоторое время сидела молча, глядя вдаль сквозь забрызганное дождем ветровое стекло. Я понимал, что это не самое лучшее, что можно было сказать, но не удержался:

– Ты выглядишь изможденной, Деб. Как насчет ланча? – (Она покачала головой и промолчала.) – Может, хороший сэндвич? Или фруктовый салат, чтобы восстановить уровень сахара в крови? Ты почувствуешь себя настолько лучше, что…

Сестра посмотрела на меня, но это был не тот взгляд, который обещал ланч в обозримом будущем.

– Поэтому я и захотела стать копом, – произнесла она.

– Из-за фруктового салата?

– Из-за того, что произошло там, – ответила Дебора и снова уставилась в ветровое стекло. – Я хочу прихватить того… того, кто смог поступить так с человеческим существом. Я желаю этого так сильно, что даже ощущаю вкус.

– Может, это вкус сэндвича, Дебора? Поскольку…

Она с силой ударила ладонями по рулевому колесу, потом еще раз:

– Будь оно проклято! Будь все проклято!

Я вздохнул. Ясно, что Страдалец Декстер так и не получит своей корочки хлеба. И все потому, что Дебора при виде шевелящегося куска мяса испытала своего рода божественное прозрение. Это, вне всякого сомнения, было ужасно, и мир стал бы значительно лучше, лишившись того, кто все это сотворил. Но каким бы ужасным ни был поступок, он вовсе не означал, что мы должны остаться без ланча. Разве мы не обязаны поддерживать силы, чтобы поймать этого парня? Донести эту мысль до Деборы было не самое лучшее, поэтому я молча сидел рядом с ней, наблюдая, как капли дождя разбиваются о ветровое стекло, и поглощая воображаемый сэндвич номер четыре.

На следующее утро едва я успел угнездиться в своем крошечном загончике, как зазвонил телефон.

– Капитан Мэттьюс хочет видеть у себя всех, кто был там вчера, – объявила Дебора.

– Доброе утро, сестренка. Хорошо, большое спасибо.

– Немедленно, – добавила она и бросила трубку.

Полицейский мир состоит из рутины, как официальной, так и неофициальной. Это одна из причин, почему мне нравится моя работа. Всегда известно, что происходит, и приходится запоминать меньше человеческих реакций, чтобы воспроизвести их в подходящее время. В результате меня труднее застать врасплох и толкнуть на реакцию, которая могла бы поставить под сомнение правомерность моего членства в расе людей.

Насколько мне известно, капитан Мэттьюс никогда не вызывал к себе «всех, кто там был», даже в тех случаях, когда дело получало широкое общественное звучание. Он лично управлялся с прессой и с теми, кто стоял выше его по служебной лестнице, оставляя детективов и экспертов заниматься своим делом. Такова его политика, и я не видел ни единой причины, в силу которой следовало нарушать протокол. Даже имея на руках столь необычное дело. Капитан действовал в какой-то спешке, и ему едва хватило времени, чтобы одобрить текст пресс-релиза.

Но «немедленно» по-прежнему означало немедленно, и я зарысил по коридору в направлении кабинета капитана. Гвен, одна из самых четких и организованных женщин, когда-либо

обитавших на земле, восседала за своим рабочим столом. Она отличалась такой серьезностью и прямолинейностью, что я никогда не мог устоять перед искушением слегка поддразнить ее.

– Гвендолин, чудесное видение ослепительной красоты! Давай полетим вместе в мою полную крови лабораторию, – сказал я, переступив через порог.

Она кивнула в сторону расположенной в дальнем конце приемной двери и с каменным выражением лица произнесла:

– Они все в конференц-зале.

– Неужели это означает отказ? – не унимался я.

Гвен наклонила голову вправо:

– Вон та дверь. Они ждут.

Да, они действительно ждали. Во главе стола сидел капитан Мэттьюс со стаканчиком кофе в руках и с кислой миной. Вокруг стола расселись Дебора и Доакс, Винс Масука, Камилла Фидж и четыре копа – те, что в момент нашего прибытия натягивали ленту по периметру дома ужасов. Мэттьюс кивнул мне и спросил:

– Это все?

– Все, кроме медиков из «скорой», – ответил Доакс, перестав на время пожирать меня взглядом.

– Это не наша проблема, – покачал головой капитан. – Кто-нибудь поговорит с ними позже. – Он откашлялся и посмотрел вниз, словно там находился текст невидимого другим сценария. – Итак… – произнес Мэттьюс и снова прочистил горло, – произошедшее вчера… мм… событие на… мм… Четвертой улице получило отклик на высочайшем уровне. – Он поднял глаза, и я подумал, что это известие, видимо, произвело на него сильное впечатление. – На самом высоком, – добавил капитан. – Из этого следует, что вы обязаны держать при себе все, что видели, слышали или предположили в связи с данным событием и адресом, где оно имело место. Никаких комментариев, как публичных, так и приватных. – Мэттьюс взглянул на Доакса, тот ответил ему кивком, и капитан продолжил: – Следовательно…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.